

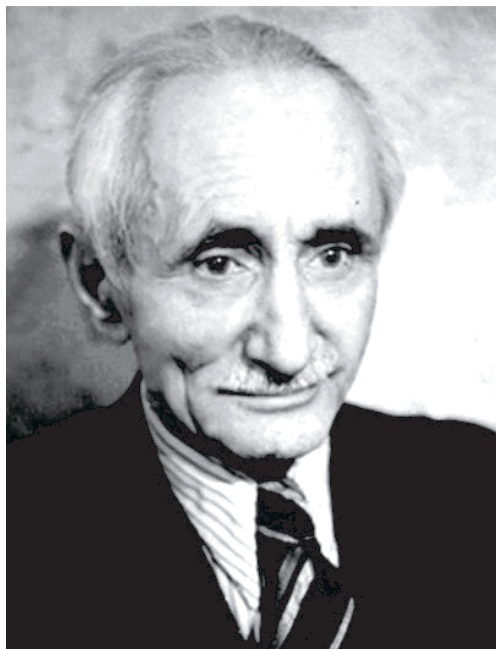
ПАМЯТИ АБДУЛЛЫ ШАИГА

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

ПОЭТ, ПИСАТЕЛЬ, ДРАМАТУРГ

*Мудрец весёлый, добрый детям друг,
Ты дружен с птицей Симуург.
Поэт! Тебя мы будем вечно чтить,
Ты жил, живёшь и будешь жить.*

(Четверостишие из статьи Арифа Турана,
посвященной Абдулле Шаигу)



Улица Шаумяна, дом №1 – сейчас эта улица, параллельная проспекту Нефтяников, носит имя известного азербайджанского врача-офтальмолога, супруги предыдущего и матери нынешнего Президентов Азербайджана Зарифы Алиевой – дом, в котором я родилась и прожила довольно продолжительный отрезок своей жизни. Из окон нашей квартиры на последнем, четвертом этаже открывался прекрасный обзор на море, бульвар и – здание Кукольного театра. Впрочем, тогда в этом здании располагался Музей сельского хозяйства Азербайджана, в который мы с братом частенько заглядывали, благо, идти было недалеко и, что, согласитесь, немаловажно – вход в музей в те времена был бесплатным. Да и экспозиция там была интересная – особенно нам нравились сельскохозяйственные орудия, которыми пользовались в древности... Позже музей куда-то перебрался, а в здании расположился Кукольный театр, носящий имя Абдуллы Шаига – известного азербайджанского писателя и поэта, он писал и

для детей, спектакль по его сказке «Тыг-тыг ханым» уже не один десяток лет идет в этом театре. Это, пожалуй, и все, что я о нем знала. А вот подробности о его жизни, судьбе, творчестве, которые всегда были мне интересны, были мне неизвестны – неловко в этом признаться, но как-то так получилась, узнать их все как-то «руки не доходили». И вот – дошли.

Читаю воспоминания о нем, факты из его биографии, его стихи. Два из них я даже осмелилась перевести. Вот эти переводы.

Фиалка

*Я фиалка, я фиалка,
Оборвать меня не жалко.
Углядят меня, не спросят –
Оборвут, а после бросят.*

*Слаще всех благоухаю,
Самой первой расцветаю,
От морозов убегаю,
В небо птицею взлетаю.*

*Вот придет тепло – проснусь.
Жаль – живу одну весну.
Чья-то оборвет рука
Жизнь прекрасного цветка.*

*** * ***

*– Нет мне счастья, оно мне не улыбается.
Мама, мне не хватает твоей любви.
– Но ушедшие не возвращаются.
Что поделаешь, детка, терпи.
– И зачем ты меня родила, воспитала?
Чтобы жизнь меня была плетью?
– Я тоже, сыночек, всю жизнь страдала.
Что поделаешь, детка, терпи.
– Мама, зачем все люди без дела
Лгут, друг у друга кусок отнимают?
– Детка, я тоже от них натерпелась.
Почему все такие – не знаю.
– Я верил людям – меня унизили.
Кругом обман, я терпеть не в силах!
– Я тоже всем верить старалась в жизни,
В результате нашла могилу.
– Ты видишь, мама, как горьки эти строчки?
Мама, к тебе я хочу уйти.
– Послушай, ты просто устал, сыночек.
Терпи, сыночек, терпи.
– Позови меня, мама, в жилище свое,
Встречей с тобой порадуй мне душу!
– Сынок, коль отправишься в небытие,
Кто помянет меня из живущих?*

Почему захотелось перевести именно эти стихи? Наверное, потому, что они и сегодня, как и многие стихи Абдуллы Шаига, да и других классиков, актуальны, как и тогда, когда они были написаны – а написаны они были почти сто лет назад. Что поделаешь, жестокость, лживость, алчность человеческие – вечные темы, в сообществе людском они, по-видимому, неискоренимы. И это не может не тревожить, не ранить тонкую душу поэта.

Такого поэта, каким был Абдулла Шаиг...

Абдулла Шаиг (Абдулла Талыбзаде) – представитель азербайджанской интеллигенции, обладавший многими литературными талантами. Ему в равной степени удавались и прозаические, и поэтические, и драматургические произведения. Он был также великолепным переводчиком и прекрасным педагогом. Наибольшую известность он получил как первый азербайджанский детский поэт-классик.

Он родился 24 февраля 1881 года в семье духовного лица, которая жила тогда в Тифлисе (Тбилиси). Тифлис (бывшая столица Грузинского царства) в те годы являлся центральным городом Кавказа. Это был губернский город с самой большой на Кавказе численностью населения и развернутой сетью общеобразовательных учреждений. Город был многонациональным – здесь проживали грузины, русские, армяне, азербайджанцы и др., что придавало городу особый, своеобразный колорит.

В этом городе Абдулла Шаиг получил начальное образование, окончив одну из тифлиских городских школ, в которой обучался в течение шести лет.

Затем его семья на время перебирается в Иран, в город Хорасан. Здесь Абдулла Шаиг обучался в школе прогрессивного интеллигента Юсифа Зии. В Хорасане будущий поэт прожил около восьми лет, изучив за это время персидский и арабский языки, приобрел широкие познания в области восточных литератур.

На какое-то время семья Талыбзаде возвращается в Тифлис, но затем, в 1901 году, переезжает в Баку. Абдулле Шаигу к тому времени исполнилось 20 лет. В Баку он приобретает у одного из здешних русских интеллигентов обширную библиотеку и приступает к самостоятельным занятиям по изучению русского языка, в чем настолько преуспевает, что вскоре сдает экзамен на должность учителя русско-татарских (азербайджанских) школ и начинает свою педагогическую деятельность, которую совмещает с литературным творчеством.

Надо сказать, что интерес к поэзии и к русскому языку появился у Шаига еще в детские годы, когда он учился в тифлиской школе. Он с легкостью заучивал стихи на азербайджанском и русском языках из первого своего школьного учебника «Вэтэн дили», в который, в частности, были включены басни И.А.Крылова в переводе Гасалиаги хана Гарадагского.

Впоследствии Абдулла Шаиг и сам переведет немало басен великого русского баснописца. В 1938 году выйдет книга его переводов, куда войдут переложения на азербайджанский 97 басен Крылова. Вообще свою литературную деятельность Абдулла Шаиг начал именно с переводов. Однако вскоре из-под его пера стали выходить прекрасные газеты, а затем и рассказы, драматические произведения и – стихи и сказки для детей.

Печататься он начал с 1906 года, и первым его опубликованным произведением стало детское стихотворение под названием «Лайлай» (Колыбельная).

Он и потом много будет писать для детей. Его стихотворные сказки «Тык-тык ханым», «Хороший друг», «Лиса-паломница» и другие, детские спектакли «Хорошая весна», «Чабан» до сих пор любимы азербайджанскими школьниками. Многие поэтические произведения Абдуллы Шаига были изданы в сборниках «Дабистан» и «Мектеб» для детей и юношества.

Абдулла Шаиг не только писал для детей – он много ими занимался. Работая в школе, он составлял учебники, школьные программы, хрестоматии. Книга «Уроки литературы», написанная и изданная им в 1919 году в соавторстве с Гусейном Джавидом, была одним из первых профессиональных научных трудов в азербайджанском литературоведении.

В годы Азербайджанской Демократической Республики Абдулла Шаиг многое сделал для того, чтобы оживить и осовременить работу общеобразовательных школ и просвещения в целом, способствовал национализации ряда частных школ, что позволило обучать там детей из малообеспеченных семей, по его инициативе в русских школах Баку были открыты азербайджанские тюркские классы. Он также был инициатором

циатором издания женского журнала, открытия первого детского сада, создания библиотеки.

Но замечательный детский писатель и педагог – лишь одна из ипостасей Абдуллы Шаига, он также написал немало прекрасных произведений для взрослых. Это и рассказы, и драматургические произведения. В ранний период своего творчества Абдулла Шаиг создавал рассказы и стихи, правдиво отражающие жизнь рабочих и крестьян. Так, его рассказ «Письмо не дошло» повествует о беспроектной жизни бакинского рабочего, приехавшего на заработки из Ирана в Баку и погибшего в нефтяном колодце хозяина.

Широко известны и любимы читателями его роман «Араз», драма «Нушаба», поставленная в 1946 году на сцене Азербайджанского драматического театра, рассказы «Должность», «Ему видней, мне-то что?», «Анабаджи», «Нервный человек», поэмы «Гоч-Полад», «Дед Тапдыг», «Труд и красота», пьесы «Ильдырым» («Молния») и «Обманутые звезды» – последняя была написана по одноименной повести М. Ф. Ахундова. Не оставили читателей равнодушными и такие глубокие социально-психологические произведения, как «Переселение», «Наводнение», «Самоубийство или жизнь», «Гриб», «Перед дьяволом», «Герои нашего века».

Большинство его произведений, повествующих о нравах и быте людей, живших в то время, отражали реалии эпохи.

Он был известен и как видный публицист – ряд его статей о науке, просвещении и культуре вызвали широкий резонанс в литературной среде и в обществе в целом.

Еще одна сфера его деятельности – работа в Азербайджанском театре юного зрителя (ТЮЗе). Здесь были поставлены и с успехом шли не один год написанные им специально для этого театра пьесы «Хасай», «Интрига» (написанная на основе сюжетов Низами – также, как и пьеса «Нушаба»), «Цыганочка», «Сын народа», «Родина».

Как уже было сказано, свою литературную деятельность Абдулла Шаиг начал с переводов. Он и в дальнейшем много и плодотворно работал в этом направлении – переводил на азербайджанский язык произведения Низами Гянджеви, Руми, Шекспира, Свифта, Дефо, Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Чехова, Горького и других.

В свою очередь и произведения самого Абдуллы Шаига переводились и издавались на русском, грузинском, узбекском и других языках.

Абдулла Шаиг был неутомимым исследователем и пропагандистом азербайджанской литературы. Неоценимы его заслуги в изучении литературного наследия таких корифеев национальной литературы как Хагани, Низами, Насими, Физули, Хатаи, Вагиф, Видади, Закир, М.Ф.Ахундов, С.А.Ширвани, М.А.Сабир, А. Саххат, М.Хади, Г.Джавид и др.

Своими произведениями, научным творчеством и педагогической деятельностью Абдулла Шаиг внес достойный вклад в азербайджанскую культуру и литературу.

Созданные Абдуллой Шаигом в 20-е – 30-е годы прошлого века научные произведения по фонетике, морфологии, синтаксису и стилистике азербайджанского языка сохраняют свое значение и в наши дни.

Скончался Абдулла Шаиг 24 июля 1959 года в возрасте 78 лет в Баку, оставив после себя богатое литературное наследие и добрую славу.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Н О В Е Л Л Ы

Бизнес-леди

Сегодня она наденет платье бутылочного цвета, прекрасно оттеняющее ее рыжие волосы. Туфли на каблуках надевать не станет, mauvais ton, если учесть, что на конференцию, куда собралась Диана приедут участники из многих стран мира. А по опыту участия в такого рода событиях, Диана знала, что по высоким каблукам, утрированному макияжу можно определить новичка либо случайную залетную птичку. Серьезные дамы отличаются сдержанностью стиля. По зрелом размышлении она решила, что совсем не обязательно одеваться как синий чулок. Зачем лишать себя такого серьезного козыря, каким является женское очарование? Необходимо найти золотую середину. Чтобы и мужчины остались довольны, что немаловажно, если учесть, что председательствует на конференции импозантный мужчина-англичанин, и женщины не слишком раздражались, оглядывая ее откровенный наряд. Примерив платье и покрутившись у зеркала, Диана осталась недовольна. «Балахон какой то! Ни талии, ни бедер, как будто у меня их нет! А ведь есть же». Следующим нарядом оказался строгий темно-синий костюм, под который она надела белую блузку с воротником апаш. Нет! Невозможно! Она похожа на сельскую учительницу 60-х годов прошлого века. Так ее высмеют даже самые немодные. Распахнутые дверки платяного шкафа обещали еще массу вариантов, способных покорить, восхитить и умилить самых взыскательных ценителей стильного имиджа. Диана нырнула в шкаф, вытащила целый ворох одежды и стала лихорадочно перебирать разноцветные тряпки. Через час после начала сражения за безупречный наряд она села на стул, тяжело вздохнула, закурила, хотя давно бросила это нездоровое занятие, и даже прослезилась. «Вот так всегда! Думаешь, что у тебя есть одежда на все случаи жизни, а когда наступает ответственный момент, выясняется, что совершенно нечего надеть. Почему я такая невезучая?!» Диана здорово понервничала, когда начальство объявило, что ее внесли в список докладчиков. Она стала стройнее и задумчивее. Лучше всякой диеты помогает стресс. Тему доклада девушка выбрала благодарную. Учитывая модную сегодня экологию и еще более модное течение – защиту вымирающих видов животных – успех ей был обеспечен. А вместе с успехом – возможность путешествовать за счет родного института, рассказывая в разных странах о насущной необходимости защищать исчезающий вид полярной совы. С текстом ей помог Заурчик. Попробовал бы он не помочь! Тогда его шансы на благосклонность очаровательной Дианы, и так не слишком высокие, скатятся на нулевую отметку. А так он может помечтать, сидя за компьютером, о возможных дивидендах в отношениях с восхитительной, неотразимой Дианой. Текст доклада она прочла накануне. «Ничего особенного! Мог бы и поинтереснее что-нибудь написать. Какое-нибудь открытие сделать. Предположить, что северная полярная сова в мегалите являлась кухней средиземноморской совы (правда, я не уверена, что такая существует, но в мегалите, кто его знает, может, и была такая), а уже потом, когда произошли климатические изменения и родственники разлетелись в разные концы планеты, северная сова приобрела свой современный вид. Стала белоснежной, под цвет снега. У нас, азербайджанцев, чаще смуглая кожа и карие глаза по той же причине – из-за климата, из-за горячего солнца. Вот если бы я родилась на Севере, то наверняка кожа у

меня была бы белоснежная, а глаза – синие-синие! Вот это я понимаю, прорыв в науке!» Диана задумалась, отвлечшись на некоторое время от архисерьезной проблемы гардероба. «А ведь если бы я немного подумала над этой проблемой, то могла сделать открытие мирового масштаба! Но откуда взять время?! Если слишком зациклиться на науке, то пропустишь все самое интересное. Распродажи! Вечеринки! Чаты! Фейсбук! Превратишься в серую архивную мышь в одном и том же наряде во все времена года. И тогда не видать тебе ни загранич, ни конференций, ни бонусов. Нет! Оставлю все как есть. И потом, Заурчику тоже нужно чем-то заниматься». Взглянув на часы, Диана ахнула, через час она должна быть на месте в новейшем отеле, где проводилась конференция. А до него сорок минут на машине, без пробок на дороге. Остановилась она на последнем варианте. Как всегда спонтанном, без лишних раздумий, на них просто не оставалось времени. Лиловая прозрачная блузка с воланом на груди, и черные строгие брюки с завышенной талией, модные в этом сезоне. Диана оглядела себя с ног до головы. Осталась довольна своим обликом. По-деловому, с намеком на фривольность – то, что нужно молодой женщине, жаждущей успеха в научных кругах. И доклад послушают, и внешность запомнят.

* * *

Конференция началась с обсуждения скандала. Кто бы мог подумать, что в таком благородном деле, как защита окружающей среды, можно найти повод для скандала! И не просто небольшого, маленького скандальчика, а самого настоящего, масштабного скандала – с сенсационными интервью, с обвинениями во всех смертных грехах, с вынесением сора из избы, а точнее, на просторы евроканала, с участием BBC и тому подобных мастодонтов средств массовой информации. Все, о чем говорил с трибуны председатель, пролилось на Диану ледяным душем. Она даже представить себе не могла, какие страсти могут кипеть вокруг благороднейшей идеи, ни у кого не вызывающей ни малейшего возражения. Свара началась из-за того, что две конкурирующие организации не поделили поле деятельности. Одна из организаций, та, в которую входила Диана, защищала диких животных, оставшихся незащищенными в тех местах, куда еще не добрался человек. Там, где только начинали сказываться последствия его бурной деятельности. А вот другая, конкурирующая фирма, занималась еще более неблагодарным делом – защищала домашних животных. Ратовала за гуманное к ним отношение, достойные условия жизни и смерти и т.д. Так бы все и продолжалось тихо и мирно, каждому свое, если бы конкурирующая фирма не захотела подмять под себя всю защиту. И диких ей подавай, и домашних. Тут началась война. Появились перебежчики, шпионы. Пошли разговоры о коррупции. Люди с закрытыми лицами рассказывали в интервью о том, сколько на самом деле потратили денег на то, чтобы создать приемлемые условия для бизонов в новых заповедниках в одной из азиатских стран. А сколько средств ушло на ознакомительные поездки ученых в места их постоянного обитания. Суммы несоразмерные. На бизонов потратили одну четвертую средств от поездок. После доклада председателя, где он кратко изложил суть дела, стараясь не поддаваться эмоциям, слово взял старейший член организации.

«Послушайте меня, старого и опытного ученого! Я знаю, что мы с вами делаем благородное дело! Защищаем дикую природу! Вспомните, как плохо жилось диким животным до того, как мы создали нашу организацию и стали заботиться о них. Я приведу только один пример. Недавно наш ученый обнаружил на одном из островов в Океании новый, доселе невиданный вид слона, вернее, гибрид слона и носорога. Вы знаете этого выдающегося ученого, Патрик Смит – украшение нашей организации. Он не приехал на конференцию, потому что в настоящий момент пытается выяснить, есть ли у его питомца, как он его окрестил, «слонорога», сородичи. И если есть, то

срочно организовать их защиту. Пожелаем ему успеха! И еще раз погордимся успехами! Так держать, никакие конкуренты нам не страшны. Никто, кроме нас, не сможет так героически служить науке и заботиться о диких животных!» – раздался шквал аплодисментов. Все присутствующие встали и устроили настоящую овацию оратору.

Диана погрузилась в размышления. Пафосная речь оратора не была включена в программу конференции, она выглядела естественной реакцией на беспочвенные обвинения конкурирующей фирмы. Дошла очередь до Дианы. Когда председатель объявил, что слово предоставляется молодому ученому Диане Гарагёзлу, сердце девушки забило в аварийном режиме. Она встала, оправила блузку и решительно прошла к трибуне. Все взгляды, как ей казалось, сосредоточились на ней. Она начала говорить тихим, неуверенным голосом. Председатель счел нужным подбодрить её. «Смелее, чуть громче». Диана произнесла страстную речь в защиту полярной совы. Перед теми, кто внимательно слушал ее доклад, развернулась трагическая картина непростой судьбы полезной во всех отношениях полярной совы, выживающей в невероятно тяжелых климатических условиях вечной мерзлоты. К естественным природным трудностям в последнее время добавились такие страшные обстоятельства, как организация туров охоты на этот вымирающий вид. После того, как в фильме о Гарри Поттере сова превратилась в одну из культовых птичек, охота на нее стала главной приманкой для туроператоров. Богатые туристы выбирали индивидуальный тур с проводником, желательно аборигеном, и всем необходимым оборудованием, в которое входило самое современное ружье с прибором ночного видения и автоматической самонаводкой. Охотнику не нужно выискивать цель и наводить ружье на предмет своего вождения. Достаточно поднять его на уровень плеча, и дальше все происходит автоматически. Ружье берет на прицел заявленный объект, в данном случае сову, даже если она находится далеко, на ветке замерзшего дерева, и похожа на большую сосульку. Паф, и готово. А потом проводник добирается до мертвой совы и приносит ее счастливому туристу. Диана подробно рассказала о том, как происходит отстрел последних сов на планете. Доклад вызвал столь бурную реакцию участников конференции, что председатель предложил его обсудить. Один из участников поднялся с места:

– Скажите, госпожа Гарагёзлу, а вам известно, что охотники делают с мертвыми совами? Зачем они им нужны?

– Недавно я случайно увидела чучело полярной совы в одном из домов, куда меня пригласили на день рождения. Хозяин с гордостью ответил, что сова – его трофей. Он повернулся к сове и сказал: «София, поприветствуй гостью», и сова раскрыла клюв, подняла крылья и сказала: – Hello, I'm glad to see you.

– Так это была живая, дрессированная сова? Если она могла говорить, открывать клюв и поднимать крылья? Как ее могли научить говорить? Совы не разговаривают.

– Нет, в том-то и фишка. Мне хозяин объяснил, что это чучело совы, но только с электронной начинкой.

Обескураженный ученый, не в силах высказать возмущение, сел на свое место, разведя руками. Элегантная дама в больших темных очках обратилась к Диане:

– У меня к вам вопрос, милая девушка. А вы видели полярную сову где-нибудь еще? То есть, кроме того случая, о котором вы нам только что с таким возмущением рассказали. Вы видели живую сову? Вы наблюдали ее в естественных условиях обитания, на Севере, в районах вечной мерзлоты?

Кровь прилила к щекам Дианы. Она совсем не боялась вопросов, задаваемых серьезными учеными мужами, но вот вопрос элегантной женщины – совсем другое дело; женщина наверняка знала все болевые точки коллеги. Мужчине и в голову не пришло бы задать подобный вопрос. Диана решила пойти самым простым и оттого самым верным путем. Она решила быть искренней:

– Да, конечно, видела. Почему я вообще решила защищать полярную сову? Я посмотрела потрясающий американский фильм «Тупой и еще тупее» и мне так стало жалко сову! Вы помните, в нее еще попали пробкой от шампанского, и она, бедняжка, сдохла! Вот я и решила посвятить свою научную карьеру защите этой мудрой, красивой и беззащитной птички. Я думаю, все присутствующие согласятся со мной.

В зале раздались одобрительные хлопки в поддержку смелой и откровенной, а самое главное, такой красивой и молодой женщины. Элегантная дама поправила большие очки, сползающие на нос, ядовито улыбнулась, готовясь перейти в решительное наступление, однако старейший член организации, столь позитивно отреагировавший на известие о происках врагов, перехватил инициативу. Не дожидаясь приглашения председателя, он встал, уверенным жестом остановил даму в очках, прочистил горло и хорошо поставленным голосом обратился к залу:

– Дорогие коллеги! Только что мы прослушали великолепный, содержательный, эмоциональный и, самое главное, очень познавательный доклад молодого ученого, не побоюсь этого слова, гордости нашей науки, способной поддержать угасающий пламень в горниле экологии.

Зал оживился, седовласый академик, сидевший в первом ряду, нагнулся к соседу и шепотом спросил:

– Извините, господин, о чем говорит оратор? Мне показалось, он произнес слово «горнило»? В последнее время я неважно слышу. Возможно, он упомянул это слово в связи с лесными пожарами?

Собеседник академика скрыл улыбку в усах и серьезным тоном заверил:

– Он говорит о надежде нашей науки, этой милой девушке, и о пожаре, который она зажгла в его сердце своим выдающимся докладом.

Академик покачал головой:

– Согласитесь, наш народ очень поэтичен! Еще немного, и оратор заговорит газелями. Ха-ха-ха. Газели прекрасно вписываются в контекст нашей сегодняшней конференции. Их тоже необходимо охранять!

Академик, довольный собой и собеседником, с умилением посмотрел на оратора. Между тем, выступающий не терял времени даром. Он как будто услышал желание академика и заговорил витиевато, сродни средневековым восточным поэтам. Он изобразил в ярких радужных красках прямой, как стрела, путь молодого ученого Дианы Гарагёзлу и в самом финале своей патетической речи неожиданно предложил:

– Диана ханым настолько чистосердечна, что не побоялась признаться в том, что никогда не видела живой полярной совы. И тем ценнее ее искреннее желание сохранить этот вымирающий вид для наших потомков. Я предлагаю осуществить ее мечту: организовать Фонд Полярной Совы. Председателем выбрать нашу дорогую Диану Гарагёзлу. Как только в Фонде окажется достаточно средств, я не сомневаюсь в том, что Диана ханым вместе с полярниками отправится в экспедицию, чтобы за полярным кругом воочию полюбоваться на редчайшее чудо природы – Полярную Сову, и понять, чего не хватает этой редкой птичке для ее благополучия и счастья.

Участники конференции устроили овацию Диане. Вопрос о создании фонда решился сам собой. Все участники с большим воодушевлением проголосовали за его создание.

* * *

На следующий день Диане позвонил президент главного экологического общества «Экопарадайз XXI». Президент общался с ней неформально, прежде всего потому, что был ее дядей. Маминым старшим братом. Какие уж тут формальности! Звали его Беюк-ага.

– Послушай, милая. Что ты несла на конференции? Ты увидела сову в амери-

канском фильме? Даже если это правда, как такое можно было сказать? Какой еще американский фильм? И название соответствующее – «Тупой, еще тупее». Ты понимаешь, что могла загубить свою научную карьеру?! Ты хоть понимаешь это? Если бы не мой старый прожженный лис Мамед, я не знаю, чем могла закончиться для тебя эта конференция. Ты же видела, Симузар ханым сразу же вострепелась. Конечно, ты сама вырыла себе яму.

– Дау!, ну что ты так нервничаешь! Нервные клетки не восстанавливаются. (А может, я ошибаюсь? Неважно.) Ты же видел, как все блестяще закончилось. Я теперь президент Фонда Полярной Совы. Я о таком и не мечтала. Не нужно всякой ерундой заниматься. Выяснять подробности про эту сову. Копаться в пыльных книгах, в интернете. Тем более, что про нее никто ничего не знает. Теперь я могу встречаться со спонсорами и теми серьезными организациями, которые хотят поддержать экологию. Между прочим, если дела фонда пойдут в гору, я смогу, во-первых, поехать по разным странам. Я уже придумала, зачем мне нужно ездить. Организую промоакцию для сенсификации общественного мнения

– Для чего? Сен-сен-сификации, кажется, так? Откуда такое слово знаешь? – прервал ее Беюк-ага.

– Ты забыл? Я ведь училась в Англии! – Диана замолчала на минутку. – А в дальнейшем смогу помогать твоей фирме. Конечно, если хватит на все средств из фонда.

Слова Дианы потонули в гомерическом хохоте дяди.

– Ты мне будешь помогать? Санім, главное, мне не мешай! А помогать?! Себе помоги! Мужа хорошего найди! Это самое главное! Не забывай, девочка, полярные совы не сегодня-завтра кончатся, а красиво жить всегда хочется. Поняла! Тем более, ты у меня красавица. И вообще просто прелесть. Это отметили все. Но только никакой самостоятельности. Если на горизонте появится серьезный жених, сразу дай знать. Ни в коем случае не соглашайся на тет-а-тет. Только после серьезного разговора с родителями, а еще лучше – со мной. У твоей мамы до сих пор ветер в голове не утих. Ну, это я погорячился. Маму нужно любить и слушаться. Все. Твой офис будет готов через неделю. А пока займись гардеробом. Выбери новые вещи, но только спокойные, хороших марок. Это теперь твое главное занятие. Видишь, я точно угадал, где ты будешь на своем месте. На встречах ты должна выглядеть безупречно, но не слишком кокетливо. Seriously. У тебя получится, я не сомневаюсь.

В новом офисе Диана распорядилась повесить абстрактные картины: размытые цветочные пятна разных конфигураций. Она остановилась на таком варианте, чтобы никто не смог сказать, что у нее пошлый вкус. Если выбирать что-то конкретное, обязательно найдется ядовитая матрона, которая обвинит в отсутствии вкуса, а абстракция – всегда свидетельство нестандартности мышления. Дизайн офиса был выдержан в минималистском стиле, только у себя в кабинете Диана поставила на стол двух пушистых плюшевых кошечек, одну рыжую, другую белую. И их пришлось убрать после визита дяди. Он внимательно оглядел картины, хрустальное бра и наконец, задержав взгляд на кошках, постановил:

– Над дизайном офиса трудились профессионалы, можешь не сомневаться. Я не запрещаю тебе вносить свои поправки и даже соглашусь на эту мазню на стенах. Говорят, это модно. Но светильники убери, это тебе не спальня, про кошек и говорить не стоит.

– Дядя, не забывай, мы занимаемся защитой животных! Мои миленькие кошечки тоже животные, и их нужно защищать, – Диана схватила обеих кошечек и прижала к себе.

Беюк-ага рассмеялся:

– Хорошо, оставь их, не возражаю, но спрячь в ящик, в шкаф. Все равно у тебя в ящиках ничего нет, или есть?

Беюк-ага подошел к письменному столу, стоявшему в углу кабинета, и бесцеремонно открыл верхний ящик. В нем громоздилась гора косметики, сваленная в кучу на манер товаров, выставленных на распродажу. Вперемешку валялись карандаши для подводки глаз, тушь, множество флакончиков с лаком, румяна, патроны губной помады и прочая косметическая дребедень.

– Теперь я вижу, ты серьезно взялась за дело. Раз твоя тяжелая артиллерия в этом кабинете, значит это серьезно. А ты позволишь заглянуть в твой шкаф?

Не дожидаясь ответа, он подошел к длинному ряду шкафов, вытянувшихся вдоль стены, словно солдаты во фронт. В верхней застекленной части шкафов аккуратно стояли разноцветные папки. Беюк Ага не поленился, открыл дверцу шкафа и вытащил красную папку. Она оказалась пустой. Папки других цветов трогать не стал. Быстро нагнувшись, распахнул нижнюю дверцу шкафа и всплеснул руками:

– Теперь я понимаю, почему твоя мама говорит о том, что ты транжира. Дай я попробую определить, сколько здесь коробок с башмаками. Десять, как минимум.

– Дядя, какой ты вредный, ну что такое десять пар обуви, ты же понимаешь, что разные обстоятельства могут возникнуть. И я самая скромная. Мои подруги совсем не такие серьезные, как я. Никто на конференциях не выступает, доклады не пишет.

– У них нет такого дяди, как у тебя, хе-хе...

– А знаешь у Жаклин Кеннеди сколько было туфель?

– Ну конечно, про Жаклин Кеннеди ты все выяснила! Не забудь, дорогая племянница, она оба раза очень удачно вышла замуж. Между прочим, она была журналисткой, но быстро сообразила, что для того, чтобы стать известной и богатой журналисткой, нужно долго и упорно работать. Она пошла другим путем: не упустила своего шанса. В первый раз вышла замуж за парня, ставшего президентом, а второй – за грека-миллиардера. Расскажи мне лучше, как обстоят дела с пожертвованиями в твой обувной фонд. Ой, прости, в Фонд Полярной Совы.

Диана подошла к дяде, поцеловала его в надушенную, чисто выбритую щеку:

– Ты же сам сказал, что главное для меня – хорошо выглядеть.

– Сказал. Сказал. Будь готова, завтра я приведу к тебе серьезную компанию, подготовь инициативу по защите животных. Может, стоит расширить поле деятельности, защищать не только полярную сову; их всего-то несколько штук осталось, перебить всех, кого будешь защищать? Конечно, с другой стороны, выяснить, всех перебили или нет, тоже сложно, не каждый день в заполярный круг экспедиции снаряжают, всегда можно отговориться тем, что есть люди, видевшие парочку сов, и все же лучше подстраховаться. А почему бы тебе не защищать еще и других исчезающих бедолаг? Полагаю, в них недостатка нет, если учесть современную экологию на планете. Я не знаю, ну, предположим животных белого цвета. Возможно, есть белый ягуар, тигр, белый верблюд, в конце концов, я не знаю....

– Белый верблюд? Дядя, ты – гений! Я видела белого верблюда в американском фильме о...

– Остановись! Я знаю, что ты хочешь сказать, и про кого этот фильм. Не нужно об этом вспоминать, нигде! Поняла? Я просто так сказал о верблюде, найди другое животное, посоветуйся со своим референтом, Заурчиком. И еще подумай над логотипом для твоего фонда. Это очень важно, можно сказать, самое важное. Как мне пиарить твой фонд, скажи пожалуйста? Что предъявлять спонсорам. Чучело белой совы, говорящее на английском языке? Кстати, где ты его видела? Все в городе рассказывают этот анекдот из твоего громкого выступления на конференции.

– У моей подруги дома, у Маси. Матанет. Ее папа Камерон привез из Америки.

– Какой Камерон? Кямран, так его зовут?

– Да, кажется так.

– Знаю, о ком ты говоришь, он вообще с причудами. Ладно, мне пора. Не за-

будь про логотип. И еще, мне не понравилась твоя секретарша. Она толком ни на одном языке не говорит. Ни на азербайджанском, ни на русском. Я думаю, с английским та же проблема. Все время переходит с одного языка на другой. Тарабарщина получается, поменяй ее. Правда, – задумался Беюк Ага, – на ее фоне ты выгодно смотришься. Речь поставлена, внешность у тебя – не сравнить с секретаршей-замухрышкой. Ладно, не меняй, пусть остается.

– Хорошо, мой любимый дядюшка.

* * *

Бурная деятельность Дианы начала приносить свои плоды. Ни одной свободной минутки. Весь день расписан. Бесконечные презентации, встречи иностранных делегаций, интервью, фотосессии. Диана придумала логотип и позировала всем, кто изъявлял желание запечатлеть красавицу – председателя Фонда Полярной Совы – в своем офисе на фоне логотипа. Прежде чем эмблема фонда была заверена в соответствующей организации, Диана показала ее своему наставнику-дядюшке. Он от души похвалил ее за отлично сделанную работу. «Какая я все-таки талантливая! Не зря говорят, что все красивые люди талантливы. Где я это прочитала? Помню, был один журнальчик, там еще разные советы косметические, клиники швейцарские рекламировали. Да, там и прочитала, очень верное замечание». Логотип получился на славу. Как и полагается гениальной мысли, и эта пришла внезапно. Диана в ожидании спонсора рисовала фасоны платьев в деловом блокноте. Подумав о спонсоре, вспомнила о дяде, а заодно о том, чем занимается ее фонд: сбором средств для спасения полярной совы. Попыталась нарисовать сову. Привыкшая рисовать фасоны нарядов, она выбрала самый простой и оттого самый гениальный путь. Нарисовала короткую вертикальную прямую и с двух сторон поместила два маленьких кружочка.

Сначала ей показалось, что получилось не очень хорошо, и никто не догадается, что это сова, и все же дяде она показала рисунок. Он пришел в восторг. Линию сделали жирной черной, а глазки совы ярко-желтыми. Вот на фоне собственноручно сделанной яркой эмблемы Диана позировала и давала интервью. Она запатентовала логотип в патентном бюро и с удовольствием рассказывала историю создания эмблемы, лишь немного приукрасив ее. По словам Дианы, эмблема приснилась ей во сне, совсем как таблица химических элементов Менделееву. Фонд, обретя эмблему, словно обрел, и не какие-то там совиные, а самые настоящие орлиные. Вначале пожертвования стекались в фонд тоненьким ручейком. Диана подумала немного и решила, что без помощи дяди тут не обойтись. Она пожаловалась ему на пассивность жертвователей. Беюк-ага отреагировал самым эффективным способом. Он позвал своего заместителя и поручил ему обзвонить все компании, зависящие напрямую либо опосредованно от Беюк-аги и рассказать им о благотворительной деятельности его ангелоподобной племянницы, а заодно и намекнуть: те, кто не понимают хорошего отношения, увидят, что значит плохое отношение. Через неделю счастливая Диана рассказывала своему любимому дядюшке, какие сознательные и приятные люди окружают ее и дядю. Как все вокруг беспокоится о судьбе полярной совы! Со всем скоро в фонде соберется достаточно средств для издания красочных буклетов с рассказами о полярной сове и, конечно, самое главное – об активной деятельности Дианы на посту председателя фонда. Планировалось издание журнала, где будут выходить отчеты обо всех мероприятиях фонда. В самый разгар деловой активности произошел неприятный инцидент, ужасно расстроивший и напугавший восходящую звезду отечественной экологии. В один из субботних осенних дождливых дней, когда не хочется не только отправляться в экспедицию на поиски неуловимой полярной совы, но даже высунуть нос из комнаты, где тепло, уютно, раздался звонок дианиной секретарши. Девушку в свое время предупредили, что в воскресные дни патронессу

можно беспокоить только в экстремальных ситуациях, а никак не иначе. «Что могло случиться? Неужели выкрали чучело совы? Не может быть!»

– Слушаю, – строгим голосом произнесла Диана.

– Извините, пожалуйста, sorry. Я так волнуюсь! Пришла сегодня на работу, чтобы закончить редактировать ваш доклад, и тут такое началось... Они кричали, требовали, чтобы их пустили, они хотели с вами встретиться! А я говорила: «olmaz! Burada heç kim yoxdur!» А они не хотели уходить! Только после того, как я вызвала по телефону охрану, они ушли!

– Объясни мне, кто они? Что ты молчишь? Кто они?

«Дядя был прав, она бестолковая...»

– Они. Люди! Их было много, они что-то говорили о баранах, я так и не поняла, сказали, что придут в понедельник.

В понедельник утром Диана созвала чрезвычайный совет, в который вошли ее референт Заурчик, исполнительный директор, секретарша и два охранника. После долгих дебатов постановили, что в случае, если снова объявятся хулиганы, необходимо будет прежде всего выяснить, зачем они пришли, кто их подослал, а уже потом принимать адекватные меры. Были и другие предложения. Мужской персонал ратовал за то, чтобы надавать им по шеем и отправить восвояси, однако Диана настояла на своем:

– Впустите одного из них и приведите ко мне, а сами, – обратилась она к охранникам, – будете стоять по обе стороны хулигана, все понятно?

– Какая ты смелая, Диана! – восхитился Заурчик. – Диана-воительница!

– Не забудьте пропустить их через металлоискатель и сканирующее устройство.

«Ну почему я одна должна обо всем беспокоиться? Содержу всех этих бездельников, которые без моего указания шагу ступить не могут, такие бездарные...»

– А может быть, прежде, чем допустить их к вам, собрать информацию? Кто они, кто их родственники, кем были их предки, чем занимаются теперь, чьих будут и т.д.? А потом уже решить: кого допустить к вам, а кого нет, – Заурчик чутко чувствовал настроение своей начальницы.

– Можно и так сделать. – Диана сменила гнев на милость. – Разрешаю. Работайте!

В последующие дни никто не объявлялся; зато в одной пакостной газетенке, исходящей злобой и ненавистью ко всему красивому, богатому, выдающемуся, появилась заметка, которую тут же разместили Дианины гламурные подруги на Фейсбуке. Заметка гласила: «Известный ученый-эколог Диана Гарагезлу, сделавшая на последнем международном экологическом форуме сенсационный доклад о тяжелой судьбе полярной совы, отказалась принять в своем новом офисе Фонда Полярной Совы соотечественников. Люди пришли с требованием помочь им в деле защиты животных, возможно, не таких редких, как полярная сова, тем не менее, очень полезных и терпящих всяческие притеснения со стороны людей. Речь идет о баранах. Об условиях их содержания и забое. В разных местах города, подчас на глазах у прохожих, среди которых могут быть и дети, идет забой бесправных животных. К сожалению, Диана Гарагезлу, столь чувствительная к страданиям далекой полярной совы, оказалась совершенно безразличной к судьбе отечественных баранов».

Комментарии, появившиеся под заметкой, оказались сплошь саркастическими. Некоторые дамы, значившиеся в ее друзьях, показали свое истинное лицо. Один весельчак разместил новый логотип для фонда Дианы.

К стилизованной сове он добавил бараньи рога. Дискуссия продолжилась в том же ключе. Диане стали давать советы, как улучшить оформление офиса. Например, поставить чучело полярной совы на золотое руно. Советы посыпались, как из рога изобилия. Измученная, повзрослевшая Диана позвонила к дяде, забыв о том, что она

– вполне состоявшийся ученый, и попросила совета. Мудрый, переживший много открытых и подпольных битв Беюк-ага, услышав о нападках на любимую племянницу, пустил в ход тяжелую артиллерию. Он щедро оплатил услуги профессионального журналиста, некогда успешно выступавшего за права всех, кого обидели. С возрастом он осознал очевидную истину: обидеть можно кого угодно. А защищать следует платежеспособных обиженных. Тогда и справедливость восторжествует, и самому жаловаться на трудную жизнь не придется.

В тот же день в одной из центральных солидных газет города появилась статья под броским названием. Диана прочла статью, поняла, насколько дядя был прав. Конечно, нужно покупать услуги грамотных, профессиональных людей. Диана совершенно уверилась в том, что она на правильном пути. Статья вызвала восторг не только у Дианы, но и у тысяч благодарных читателей, приславших свои отклики в газету.

Диана тут же поместила ссылку на нее на своей страничке в Фейсбуке. Газету же со статьей Диана распорядилась положить в приемной офиса на самом видном месте. Приводим ее полный текст.

«Радетели отечественных баранов

Наша планета Земля с каждым днем становится все менее пригодной для жизни людей. Никто уже не удивляется природным катаклизмам, непредсказуемой погоде, отсутствию снега в горах Швейцарии, засухе в долине Нила и подъему уровня Каспия. Ученые безуспешно бьются над загадками природы, на которые нет ответа. Неугомонный человек с его подчас неумной и неумной энергией навредил природе, пытаясь доказать, что он ее властелин и способен повелевать ею. Он меняет рельеф местности, что иногда предполагает перенос рек, создает искусственные водоемы, насаждает флору и фауну, не свойственную тому или иному краю. Человек дошел до того, что стал управлять, как ему кажется, погодой. Разгоняет облака, вызывает дождь, пытается стимулировать природные катаклизмы. К тому же он бесцеремонно обращается с богатствами Земли. Так, словно он их сам создал. Бездумно использует ископаемые, грабит недра Земли, совершенно не задумываясь о будущем своих же детей, внуков, будущих поколений. Безудержно уничтожает растительный и животный мир. Количество уничтоженных и не подлежащих восстановлению животных составляет такой длинный список, что возникла необходимость создать Красную книгу. Все мы знаем, что в нее вписывают исчезающие виды животных. Эта книга с каждым днем делается все толще. И вот когда появляется благородная личность, берущая на свои плечи ответственность многих людей, забывших о морали, и пытается что-то изменить в нашем порочном мире, тут же находятся злопыхатели, создающие мощный заслон на пути прогресса. Диана Гарагезлу, один из светочей отечественной экологии, является надеждой не только нашей страны, но и всего мира. Именно она обратила внимание и заставила прозреть многих, говоря о трагической судьбе белой полярной совы, находящейся на грани исчезновения. Именно она не ограничилась пустыми рассуждениями о необходимости предпринять усилия по спасению редкой совы. Благодаря своей исключительной энергии и любви к животным, ученый организовала Фонд Полярной совы. В планах фонда много проектов. Диана ханым в личной беседе рассказала мне о том, что собирается выступить в защиту и других жестоко истребляемых животных белого цвета. В какой-то момент мне показалось, что я понимаю, почему молодая исследовательница выбрала в качестве подопечных животных белого цвета. Это ее суть. Она сама – белоснежный ангел, посланный на Землю, чтобы остановить вакханалию убийств.

А теперь представьте себе, дорогие читатели, что нашлись подлые люди, кому невыносим свет истины, кто хочет запятнать честное имя и очернить благородные порывы защитницы природы. Расскажу все по порядку. Несколько дней тому назад в офис Фонда Полярной Совы ворвалась группа молодчиков под предводительством

отъявленного, известного в определенных кругах хулигана по кличке Авяз Гоюн. Они потребовали встречи с Дианой ханым. К счастью, в офисе находилась охрана, которая не допустила «героев» к ученому. Впоследствии в желтой газетенке, известной своими клеветническими статьями и нападками на порядочных людей, появился пасквиль. Не будем заострять внимание читателей на безграмотности и убогости доводов статьи, нас интересует информация, поданная в крайне провокационной форме. По словам автора, к тому же скрывающегося за псевдонимом, молодчики, ворвавшиеся в офис, требуют защитить отечественных баранов, содержащихся в невыносимых условиях. Клеветнические утверждения о том, что забой животных происходит прямо на улицах города, иногда рядом со школами, на глазах у маленьких детей, не требуют опровержения. Любой здравомыслящий человек скажет вам, что подобное не может происходить, просто потому, что такое невозможно представить даже в самом кошмарном сне. Вероятно, хулиганы видели нечто подобное в детстве в горных селах, откуда они родом. Не привыкнув к условиям жизни в большом мегаполисе, они клеветают на горожан, не удосужившись оглянуться вокруг и понять, что волею судеб оказались в суперсовременном городе XXI века. Заметка пестрит несуразностями. Мне захотелось задать всего лишь один простой вопрос господину Авязу Гоюну: «Как он предполагает защищать баранов? Может, вообще запретить их забой?! Перестать употреблять баранину в пищу? Или как?» Не сомневаюсь, что господин Авяз Гоюн – сам большой любитель кябаба из баранины. И вот из-за таких, с позволения сказать, «радетелей баранов» страдают истинные ученые. Диана ханым после атаки экстремистов все время думает о недоработках в деятельности Фонда. У нее даже появилась идея о создании в регионах отделений Фонда для решения местных проблем, в частности, проблем отечественных баранов. Пожелаем ей больших успехов в ее городской деятельности, будем надеяться, что путь ее будет таким же светлым и позитивным, как и ее благороднейшая деятельность по защите животных белого цвета».

– Спасибо, дядя! Ты просто душа! Может, пригласить этого журналиста в ресторан, как-то поблагодарить его. В твой ресторан, например, покормим его кябабом? А может, в китайский ресторан? Наверное, он любит суши. Сейчас все любят суши. Он так здорово написал. Я даже немного поплакала, так мне себя жалко стало. – Диана звонила своему дяде по номеру, доступному только близким родственникам, и не подлежащему прослушке.

* * *

Беюк-ага ответил согласием. Пообещал лично присутствовать на обеде. Попрощался с Дианой и погрузился в воспоминания об охоте на Дивичинском лимане, в Гара су. После всех нескончаемых деловых переговоров об экологии, защите животных охота оставалась самым светлым воспоминанием президента компании «Эко-парадайз XXI».

«Сколько мне было тогда? 14-15 лет, совсем мальчишка. Сейчас я **дядя**, стараюсь для своей племянницы, своих детей. А тогда тоже старались, только по-другому. Мой дядя Юсиф, директор нефтебазы, знатный охотник был. Вдоль реки Араз, в пограничной зоне с Ираном охотиться любил. К нему на охоту кто только не приезжал! В то утро он взял меня с собой. Мы совсем рано поднялись, чтобы пострелять дичь. Сколько охотников собралось? Не так уж много. Помню, что разместились на двух лодках без кия, плоскодонках; дядя Юсиф все организовал. Лодки медленно продвигались сквозь камыши. Без весел, шестом ими управляли. Успели на утренний пролет птиц, до 9 часов. Как я удивился, когда все небо вдруг закрылось тучей! И не просто тучей, живой тучей, из которой вдруг пролился густой дождь. Только посмотрев на свою куртку, я понял, что птицы в полете справляли нужду; вся куртка моя оказалась в птичьем помете. Дядя перед охотой подарил мне трофейное немец-

кое ружье – бокфлинт 12 калибра марки «Меркель». Пристрелянное, хорошее ружье. Показал, как стрелять. Главное – не суетиться, не спешить и оставаться спокойным. В тот раз мне не пришлось целиться. Зачем целиться, когда неба не видно за дичью. Только стреляй и успевай подбирать убитую дичь! В первый раз мне не понравилась охота. Только байки охотничьи. Русский мужик запомнился мне, его звали Леша, да, Леша. Вот он горазд был водку пить и байки травить!

Я почувствовал по-настоящему, что такое охота, когда дядя Юсиф взял меня на охоту вместе с известным поэтом, самым знаменитым поэтом у нас. Он приехал охотиться на Дивичинский лиман. И врача с собой возил. Как того звали? Помню. Зырры Аллахьяр. И меня дядя не забыл, взял с собой на охоту. У поэта еще собака была, сеттер. Как звали собаку? Вспомнил! Рекс! Так ее звали, замечательная, умнейшая собака. А охоту на фазана дядя устроил специально для поэта. Что и говорить! Королевская охота! Такая красавица-птица, самец – чудо природы. Конечно! Это тебе не полярная сова, дремучая, ни к чему не годная. Наверное, и мясо у нее жесткое, отвратительное. Нашла, кого защищать Диана! Впрочем, какая разница! Лишь бы ее дела шли в гору. Толку от «защитников природы» никакой, один вред. Запретили сейчас отстреливать волков, и что?! Расплодились и волки, и шакалы. Сколько вреда от них тем, кто на земле живет. Баранов таскают, случаи бешенства участились. Целые села терроризируют. А серые вороны! Раньше их отстреливали, даже платили за это, а сейчас для них рай. Гнезда мелких птичек разоряют, заполонили не только районы, но и города. Да что говорить! Скоро охотников нужно будет в Красную книгу заносить. Вот такие дела...

Как я скучаю по настоящей охоте! Не той, что сейчас. Ружья с оптическим прицелом, свита проводников. Твоей заслуги никакой. Подгонят тебе добычу – марала. Как в него стрелять? Только горе-охотники и могут стрелять, как этот выскочка, ставший вдруг богатым. Тьфу, забыл, как его зовут. На кабана похож. Такие же маленькие, хитрые глазки и жирный загривок. У него сердце не дрогнуло выстрелить в красавца марала. Посмотрел бы я на него на той охоте. Тогда я увидел, что такое настоящая охотничья собака! Я шел следом за поэтом. Вот он увидел, как из-за куста вышел фазан. Поэт затаился, не шелохнется. Фазан расправил крылья, прихорашивается, еще не видит охотника, не знает, что жить ему самую малость осталось. Собака – умница, не дышит. И тут фазан словно испугался. Рекс встал в стойку. Одну лапу поднял в ожидании, обернулся на хозяина, словно говорит: «Ты что, не видишь? Твоя добыча улетает!» Птица взлетела вертикально, как истребитель с авианосца, а затем она обычно переходит на горизонтальный полет, но не успела, поэт выстрелил, фазан тяжело упал. Помню, как мне стало жаль красавца. Потом уже не жалел. Наоборот, радовался, когда много дичи приносил с охоты. Гордился. Рекс умчался подбирать подстреленного фазана. Я видел, как он зубами осторожно брал птицу. Чтобы не смять ее, не раздавить. Вернулся с добычей. Стояли несколько охотников, а среди них поэт. Рекс подошел к хозяину и сложил к его ногам красавца фазана. Поэт – охотник азартный, а джейранов не стрелял. Рассказал мне, почему. В молодости довелось ему убить молодого джейрана из бахвальства, чтобы удаль свою показать. Уж очень стремительно летел джейран. Когда он подошел к смертельно раненому животному, то увидел, как из прекрасных глаз джейрана медленно текут слезы. После того случая джейранов не стрелял и видеть не мог, когда другие убивали.

Как мне хотелось тогда иметь такую собаку, как у поэта! Однажды я попросил у него Рекса просто прогуляться по подлеску. Иду себе, любуюсь природой. Осень, деревья разноцветные, только грустно немного, знаешь, что скоро все листья облетят, и от этой красоты ничего не останется. Ступать мягко, земля покрыта слоем опавших листьев. Рекс бежит впереди. И вдруг я вижу, прямо на меня идет громадный кабан. Здоровенный, килограммов 70 в нем живого веса. Молодой я был, а не испугался. Мог ведь кабан кинуться на меня, и неизвестно, что бы из этого вышло. Вскинул

ружье, выстрелил, попал, но не убил. Кабан бросился в кусты. Я не стал его преследовать. Знал уже по рассказам охотников, что раненый зверь очень опасен. Вернулся на стоянку вместе с Рексом, хоть тот и порывался за добычей пойти. Рассказал охотникам. Поднялись они и мы, все вместе, Рекса тоже взяли, пошли смотреть, что произошло с кабаном. Пришли на место, а кабана там нет, след кровавый тянется к Аразу. Подошли к реке, и вдруг Рекс бросился в реку и поплыл в сторону Ирана. Ему граница не указ. Стоим на берегу, зовем Рекса, а ему все равно. Охотничий инстинкт в нем говорит. Не может с собой совладать. И хозяин не смог его остановить. Хорошо, что благополучно закончилась история. Побегал Рекс на той стороне и обратно приплыл. Вылез на берег мокрый, с укором в глазах. Словно говорит: «Что вы за охотники?! Такого кабана упустили!» И еще помню тот случай, когда мы с Рафиком, братом моим, ехали в полуторке. Рядом с Имишли. Мы тогда на охоту ехали. В кузове лодка, и мы с Рафиком сидим. У нас ружья. У меня «Зауэр», два кольца. Но только патронов нет. Все расстрелял. Надеялся у дяди разжиться. Поднимаю голову, летят прямо над нами 5 огромных птиц. Дрофы. Из Казахстана летят, на зимовку. Прошу у Рафика один патрон, взамен обещаю 50 малокалиберных отдать. Протягивает мне патрон. Я прицелился в третью дрофу, попал в пятую. Ударилась она о телеграфные провода и упала прямо к нам в кузов. Сейчас кому рассказать, скажут: «Вот врет знатно!» А ведь всё правда. Мы потом эту дрофу в Баку привезли, целую неделю ели. Голодно было. Еды совсем мало. Охотники уважаемыми людьми были. Жили большую часть года на лимане. Стреляли дичь, смолили, складывали в бочки с солью. Раз в 10 дней из Баку приезжали, забирали всю дичь и развозили по госпиталям. Людей кормили. Как же так получилось, что из заядлого охотника я стал беззубым защитником экологии? И не просто глупым, бездарным защитником, а президентом общества с дурацким названием «Экопарадайз». Грехи наши тяжкие! А что было делать?! Никто не сможет назвать меня неудачником, как молодые сейчас говорят, *лузером*. Стоит только посмотреть на мои виллы – поместья, проще сказать. В своем поместье и пострелять можно. Никто тебе не указ. А во что превратился мой старый дружок, самый удачливый охотник Рамиз? Доживает свой век. Если бы не сын, не знаю, как бы он прожил на свою пенсию инженера. Да и охотиться он не может, только вспоминает с тоской прошлое. Чтобы лицензию купить, деньги нужны. Последний раз на стенде, куда его один из охотников пригласил, не поздоровался со мной. Старый дурак! Злитися на меня. Как будто если бы не я, то не нашлось другого ловкого и умного человека, который бы оценил ситуацию. Выбранная мной дорога самая верная сегодня. Главное было найти подход к нужным людям. А там – какая разница? Охотишься ты или защищаешь зверушек, главное – оказаться вовремя в нужном месте. К тому моменту, когда идет раздача слонов. Интересно, в каком стане оказался бы поэт, будь он жив? Трудно сказать. Он в свое время спел немало дифирамбов властям. Иначе как оставаться признанным и благополучным? И племянница у меня не промах. Еще лучше мишень подобрала. Полярную сову. Надо же! Интересно, кто ее надумил? Сова – самая уважаемая птица в наше время. Целый день спит. Ни до чего ей нет дела. Ночью проснулась, глаза свои совиные выкатила, поохотилась на сонных птичек и порядок. Никто не видит, как она заглатывает птичью мелюзгу. Возмущаться некому. Конечно, мудрой ее объявили! А как иначе! Ни в чьи дела не вмешивается. Свои делишки шито-крыто обставляет. Мудрая, да и только. В игре этой, как она называется – «Что? Где? Когда?» Кажется, единственный проект, придуманный на российском телевидении. Все остальное с западных каналов слизали. Ворошило, ведущий, даже объявил игру уникальным местом, где за мозги можно получить деньги. Почти угадал. В современной России и у нас, вообще во всех республиках бывшего Союза, это практически единственное место, где можно хоть какие-то деньги заработать своим умом. Правда, деньгами эти суммы назвать сложно. Хоть какие-то крохи. И умникам не так обидно. Хвастать могут, что своими мозгами деньги зараба-

тывают. Хе-Хе. Какое счастье, что мне не пришлось оказаться в их положении. Да, да, именно счастье! Кто это мне звонит, посмотрим, посмотрим. Моя любимая племянница. Иногда мне кажется, что сына своего я меньше люблю, чем ее».

– Нет, дорогая. Я не забыл. По дороге захвачу журналюгу, раз тебе так хочется. А ты можешь немного опоздать, разрешаю. Но только не больше, чем на 10 минут. Что ты говоришь? Точность – вежливость королей? Ты ведь еще не королева. Вот когда ею станешь, тогда ни-ни, опаздывать нельзя. Ну, если хочешь, потренируйся! Приди вовремя.

* * *

Ресторан «Плакучая ива» зажил новой жизнью не так давно. Ничто в интерьере одного из самых дорогих ресторанов города не напоминало о старом кафе-родителе, где когда-то Беюк-ага встречался с друзьями за чашкой чая. Разница между двумя заведениями почти такая же, как между крестьянином в чухе и чарыках на старом послушном ослике и его внуком, отучившимся в заграничах и не слезающем с крутой, навороченной тачки. Машина подкатила к входу. Прежнее старое кафе имело в своем распоряжении открытую площадку, которую превратили в оазис с фигурками мавров, восточными низкими мягкими диванами, пальмами. В таком интерьере не удивительно встретить киношников, суетившихся вокруг столика, стоящего посредине. Снимали фильм. За низким столом – мужчины ярко выраженной кавказской внешности. С любопытством взглянув на мизансцену, Беюк-ага с журналистом проследовали в закрытый зал ресторана. Миниатюрные девушки в шелковых азиатских платьях встретили гостей у двери. Не переставая улыбаться, одна из них поинтересовалась, куда желают пройти гости: в бар или в банкетный зал. Беюк-ага на минуту задумался, мельком взглянул на журналиста и выбрал бар. О том, как нужно разговаривать с подобного рода людьми, он знал давно, с тех пор, как стал успешным деловым человеком. И сейчас он прибегнул к своей обычной тактике. Снисходительно поблагодарил писака за проделанную работу, заметив, что плата за статью более, чем щедрая, и нет ничего удивительного в том, что работа сделана грамотно. Заказал себе и журналисту виски и незаметно наблюдал за тем, как журналист будет пить. Очень важное качество, по которому Беюк-ага определял, стоит с этим мужчиной иметь дело или нет. Дядя вспомнил о своем ангеле, племяннице Диане, входившей в этот самый миг в ресторан, где все ее знали, и где она чувствовала себя почти хозяйкой. Девушка-официантка провела ее к столику, где Беюк-ага с журналистом вели оживленную беседу.

Беюк-ага окинул Диану одобрительным взглядом и успел заметить неподдельный восторг в глазах журналиста. «Все писакки немного дети, нужно только нащупать их слабое место. Красивой женщине легче вести дела. Без сомнения. Там, где мне нужно напрягаться, покупать, интриговать, Диане стоит лишь улыбнуться. Вот где талант!»

– Как я рада с вами познакомиться! Вы себе не представляете! Я читаю все ваши материалы. А последнюю статью, где вы меня защищаете, я читала со слезами на глазах. Как вы все тонко прочувствовали! Как будто это вы сами занимаетесь защитой беззащитных диких животных, а не каких-то там баранов. – Диана поправила юбку, обнажившую стройные колени.

Беюк-ага посмотрел на нее, повел бровями, предупреждая, что излишний восторг только повредит делу. А журналист воспарил в выси, куда редко залетает даже белоснежная полярная сова. Покраснел от удовольствия и выпитого виски:

– Диана ханым, служить вам – редкое удовольствие, а слышать из ваших уст похвалу моему скромному труду – самая большая награда для простого смертного, каковым является ваш покорный слуга.

Витиеватый разговорный стиль сложился у журналиста не сразу, а по прошествии довольно длительного времени, по мере постижения им ремесла журналиста. Чтобы заработать денег, ему необходимо было уметь писать одинаково пафосно и убедительно совершенно противоположные вещи. Сегодня заказ поступал от одного работодателя, а завтра от его оппонента. Искусство журналиста, каким он его себе представлял, заключалось именно в способности угодить и первому, и второму. В случае с Дианой ханым ему даже не пришлось уговаривать свою совесть, к счастью, не сильно докучавшую ему. Журналист совершенно искренне восхищался очаровательной, красивой молодой девушкой, столь успешной в своей научной карьере. «Такие красивые глаза, волосы, стройная фигурка, точеные ножки, как можно обижать такое создание, прекрасное творение матери-природы?» Журналист, поймав себя на готовой литературной фразе, перевел глаза на большой трехгранный стакан для виски и подумал о том, что больше ему пить не стоит, если он хочет и дальше писать для замечательных людей, какими являются богатый дядюшка и его ангелоподобная племянница.

Беюк-ага оценил жертву, принесенную журналистом. Он догадался по добровольному отказу от дармового алкоголя о том, что мужчина пить не может, но у него достаточно воли, чтобы вовремя остановиться. Он незаметно подмигнул Диане, подавая ей условный знак. Теперь она может говорить о том, что так сильно волновало ее в последнее время. Диана давно мечтает о глянцево-м журнале. «Ну, таком, например, как «Elle» или, на крайний случай, «Madame Figaro». В конце концов, она может позволить себе (если, конечно, дядюшка не будет против и оплатит все расходы) настоящий шикарный гламурный-прегламурный глянцево-ый, и не просто глянцево-ый, а прямо-таки мраморный журнал. Чтобы весь переливался, светился, радовал глаз, а она не станет выступать в качестве модели, нет, это слишком вульгарно, не ее уровень. Хотя, откровенно говоря, она даст фору любой модели. Диана ханым может быть только главным редактором, вдохновителем и доброй феей, открывающей миру обиженных зверушек на фоне манекенщиц, одетых в искусственные меха. Одним выстрелом она убьет сразу двух зайцев. Нет, так не пойдет, нельзя вспоминать устаревшие кровожадные пословицы даже в мыслях. Зачем же убивать милых зайчиков, это так негуманно. Просто она из Дианы-охотницы (надо же было родителям назвать ее Дианой!) превратится в покровительницу всего животного мира. И тогда древнегреческую богиню Диану перестанут называть охотницей, а назовут Диана-спасительница. Совсем как ее. Какая она все-таки умница!»

– Я вижу, вы скучаете? – ласково обратилась к журналисту Диана, – хочу предложить вам идею. Вдруг она вам понравится, и тогда мы вместе могли бы ее обсудить. Дядя еще не в курсе моего проекта, но я надеюсь, что он поддержит меня, – Диана обернулась к Беюк-ага и лучезарно улыбнулась. Впрочем, ее улыбка не согрела ему сердца. Он тут же подумал о том, чем ему грозит очередная гениальная идея племянницы.

Диана заглянула дядюшке в лицо, не сомневаясь в том, что сердце старого охотника растает. И только когда она увидела, что глаза Беюк-ага подобрели, Диана приступила к изложению своего проекта.

– Мы же говорили о журнале, дау, помнишь? Я тебе еще обещала, что в нем мы будем печатать только серьезные статьи очень влиятельных, уважаемых ученых, ну, и мои, конечно. Если захочешь, дау, ты тоже можешь писать. И вот наш замечательный журналист будет мне помогать в этом деле.

Беюк-ага почти не слушал, что говорит племянница. Он с удовольствием наблюдал, как она надувает губки, как морщит лоб, поднимает глаза вверх, взмахивая тяжелыми от туши ресницами. И как она смотрит в глаза собеседнику, проникая ему в самую душу. Он заметил, что и журналист находится в том же состоянии легкого наркотического опьянения. Этим состоянием они обязаны только его племяннице,

виски тут ни при чем. Девушка наконец заметила, с каким умильным видом оба мужчины смотрят на нее, совершенно не слушая то, что она пытается с таким жаром донести до них.

– Вы не слушаете меня. Интересно, о чем вы оба думаете? Оказывается, из нас троих я самая деловая! Скажи, дау, ты так не считаешь?

– Конечно, милая. Ты самая деловая и, главное, самая красивая!

– Я тоже хотел это сказать, – журналист не сводил восхищенных глаз с Дианы.

– А я говорю о журнале, серьезном журнале. Может быть, не совсем серьезном, не слишком скучном. Нет, конечно. Там обязательно должны быть картинки. Ну, я не знаю, зверушки разные, и потом, немного моды, мои манекенщицы будут носить искусственные меха, гороскопы, кулинария. Да, не забыть, рецепты блюд только из домашних животных. Вы же понимаете, как это важно для экологического журнала.

– А у тебя еще и манекенщицы будут? Это интересно...

– Дядя, ты все не так понимаешь. Я собираюсь быть редактором серьезного журнала, научного почти. Вот и наш друг журналист скажет тебе, как это важно – рассказать всем, кто далек от экологии, а ведь это – будущее планеты, о трагедии, которая всех нас ожидает, если мы не опомнимся.

– Сапм, ты репетируешь свою речь на следующей конференции? – Беюк-ага словно забыл о присутствии журналиста.

– Ваша племянница совершенно права, – стреляный воробей почувствовал, сколько пользы можно извлечь из журнала Дианы не только для таких диких зверушек, как полярная сова или белый барс (новый аватар Дианы), но и для такой простой, непритязательной птички-воробья, как он, журналист.

Беюк-ага вовремя осознал, какими тратами может обернуться для него чрезмерное благодушие, и поспешил завершить встречу. Он не стал отвечать на брошенный вызов журналиста; поднялся, вынудив своих собеседников вспомнить о том, какие они деловые и как много им нужно еще сделать за день. Все трое разъехались в разные стороны.

* * *

«Радетели отечественных баранов», как их метко окрестил журналист, не трагичны даром. Разгромная статья Маameda-доллара, как прозвали журналиста за чрезмерно профессиональный подход, а именно, за полное отсутствие каких либо принципов и способность в одно и то же время написать две статьи на одну тему от двух враждующих сторон, назвать белое черным, а потом наоборот, рассказать всем как безнравственно, когда белое называют черным, вызвала смятение в стане защитников не просто домашних животных, а еще конкретнее – местных домашних животных. Авяз Гоюн собрал штаб и высказал свои соображения по поводу дальнейших действий. В ходе оживленной дискуссии, не раз прерываемой матерными выражениями, боевая, самая активная группа пришла к выводу, что необходимо провести акцию. Современную, запоминающуюся, такую, что вызовет живой отклик не только на страницах прессы. Прессу сегодня читают редко, да и то интересуются лишь скандалами в шоу бизнесе и погодой. Нужно придумать такую акцию, чтобы все «на уши встали», как образно выразился один из активистов. В качестве примера он привел предвыборную кампанию Путина в России, когда молодые стройные девушки устроили флешмоб – очень популярный на сегодняшний день вид акций. Девушки подбирались соответствующие, ни какие-нибудь тетеньки средних лет, а молодые, стройные, до 30 лет. С голыми ножками, в белых маечках, на которых написано, как они любят мачо Путина. Они застыли на месте, дали собой полюбоваться. Вот это промо-акция! Ничего не скажешь, круто! Дискуссия принесла свои плоды. Решили устроить флешмоб в центре Баку, на площади Физули, куда оппозиционеров никак не хотели

пускать для проведения митингов. Самое подходящее место. В качестве главного действующего лица предложили использовать корову. Во-первых, в качестве животного, которое обижают не меньше, чем баранов, а во-вторых, чтобы показать всем, что активистов – защитников домашних животных – волнуют не только бараны, но и другие братья меньшие. Долго обсуждали, какую корову лучше выбрать: большую, маленькую, тощую, жирную. Сошлись на быке. Для претворения в жизнь сложной интриги, задуманной стратегом группы, корова, впрочем, как и баран, никак не подходила. Здесь нужен был бойцовский непредсказуемый характер и соответствующий темперамент. Договорились с одним из мясников, обслуживающих этот район города. Выяснилось, что ему очень кстати привезли воинственного быка. Хозяева скотины мечтали избавиться от забияки, досаждавшего им своим драчливым характером. Мясник оставил быка в Хырдалане, в сарае рядом с домом. Двое активистов, оценивших быка, согласились с тем, что лучшей кандидатуры для «Бакинской корриды», как решили назвать акцию, придумать нельзя. К полудню быка подвезли к площади и выпустили прямо на проезжую часть улицы. Бык легко спрыгнул с грузовика; увидев газон с травой, устремился к нему сквозь поток машин, ничуть не смущаясь интенсивным движением. Он добрался до лужайки, и тут же вокруг быка образовалась толпа зрителей. Полисмены, в изобилии встречающиеся в центре, не заставили себя ждать. В руках у самого предприимчивого появилась длинная веревка. Судя по движениям рук, он вспоминал, каким образом американские ковбои накидывают лассо на горячих мустангов. Вспомнить ему так и не удалось. Бык, вероятно, разгадав его замысел, направился в его сторону, выставив вперед голову, хоть и без ярко выраженных рогов, но не менее свирепую, чем у «toro» испанской корриды. Полисмен рванул еще резвее, чем бык. Кольцо из зевак и стражей порядка оставляло быку поле для маневра. Он делал круги, ложные выпады. Шеф группы захвата подозвал своего подчиненного, рядового полисмена. Тот удалился и появился минут через десять с ведром воды. Ведро он установил посреди круга. Коварный замысел шефа не увенчался успехом. Бык не пошел на водопой. Разгадал ли он план или просто не хотел пить? Бык продолжал резвиться, пугая круг своих фанатов, которых становилось все больше. Появился человек с камерой, вышедшей из машины, на которой было написано ANS. Популярный столичный телевизионный канал проявил оперативность, не желая пропустить столь занимательный сюжет. Человек с тяжелой камерой на плече снимал, неуклонно следуя за движениями неуравновешенного животного. Он выполнял порученное дело добросовестно, как и полисмены, не оставлявшие своего намерения заарканить быка. Они встали в живой круг поменьше большого круга зевак. Соединялся круг между людьми большой веревкой, которой предполагалось связать несговорчивое животное после успешного маневра. Бык оценил обстановку; на минуту все фигуранты удачного флешмоба замерли. Словно позируя, бык вскинул голову и тут же устремился на ближайшего полисмена, отскочившего в сторону. Бык легко, словно через скакалку, перепрыгнул через веревку и вновь оказался на дороге. Автомобилисты, вопреки своим обычаям, не стали сигналить. Никто не может предугадать поведение настоящего быка. А вдруг ему захочется боднуть дорожную машину, никто ему не указ. Бык устремился вверх по улице, к монументу Освобожденной азербайджанки. Несколько полисменов остались на месте, на лужайке с травяным покровом. Зеваки стали расходиться, а стражи порядка рассудили, что бык все равно возвратится на лужайку, поскольку лучшего места в округе ему не найти. У быка, учитывая его свободолюбивую натуру, скорее всего, такие же пристрастия, как и у оппозиционеров. Бык вполне оправдал надежды, связанные с ним. Повел себя как самая буйная толпа разнузданных хулиганов. Забрел в аптеку неподалеку от площади, сломал оборудование, которое, по мнению владельца аптеки, не имело аналогов на всем постсоветском пространстве, а может быть, и во всей Европе. Активисты достигли желаемого, всем стало ясно, что преследуемый, содержащийся

в тяжелых условиях бык способен нанести большой ущерб. Они не учли главного. У них не оказалось заранее заготовленного текста, чтобы точно расставить акценты. И в итоге акценты расставляли официальные новостные каналы. В их интерпретации бык оказался таким же неразумным, глупым и буйным, как и инициаторы глупейшей акции, к которым с легкой руки Мамеда-доллара приклеилась кличка «Радетели отечественных баранов». Только канал ANS беспристрастно показал материал в своей обычной манере, ограничившись самым неприязнительным, а оттого наиболее корректным комментарием. Вскоре быка затмила местная актриса ярко выраженной кавказской внешности, заявившая о том, что мечтает воплотить на экране «железную леди» Маргарет Тэтчер. Ее смелое заявление имело почти такой же резонанс, как и перформанс быка. Все стали наперебой комментировать желание актрисы. Кто-то давал ей практические советы о том, как загримироваться под Тэтчер, (что очень не просто, учитывая физические данные женщины кавказского типа), кто-то высказывал в самой грубой форме сомнения по поводу того, что подобное желание возможно осуществить. Во всяком случае, про быка, а вместе с ним и защитников домашних животных забыли. Авязу Гойуну так и не удалось на долгое время привлечь внимание общественности к тяжелым проблемам отечественной домашней скотины.

Деятельность Дианиного фонда продолжалась в вялотекущем режиме. Подобная ситуация могла устроить какую-нибудь серую мышь от науки, привыкшую к архивной пыли. Но никак не устраивала Диану, жаждущую всемирной известности и признания. Фонд Белой совы должен получить такое же признание, как, например, Фонд Сороса. Про Сороса все знают, даже ее секретарша, и та вчера, услышав о том, что какую-то никому не известную правозащитницу наградила Фонд Сороса, не могла скрыть восторга.

– Представляете, Диана ханым, вот эту некрасивую толстую женщину наградила сам Сорос. Неужели она такая умная?!

Диана не захотела скрыть раздражения:

– При чем здесь «умная»?! Ты что, совсем глупая, не понимаешь, что это все политика! Ее наградили за то, что она всех достала своей «справедливостью»! А знаешь, почему она такая «справедливая»?

– Может, она с детства такая? – секретарша говорила все тише, боясь разгневать красавицу шефиню.

– Ты никогда не станешь начальником! Не понимаешь элементарных вещей! Она страшная, жирная, отвратительная! Как ей обратить на себя внимание?! Только «борьбой за справедливость»! Никаких других шансов у нее нет, понимаешь?! Она будет копать в чужом грязном белье, потому что ее белье никому не интересно!.

Диана замолчала, последняя фраза звучала у нее в ушах. «У меня появились мысли почти как у Конфуция, или как там его, известный такой француз. Да... у них все элегантно, и мысли тоже элегантные, вспомнила, вспомнила, Монтень, совсем как у Монтеня. Пора уже записывать свои идеи, а не тратить их на пустышку-секретаршу».

Болтовня секретарши подтолкнула Диану к решительным действиям. Пора браться за журнал. Тем более, что помощник у нее есть. Неглупый, симпатичный, современный и такой влюбленный в нее Мамед. Название для своего журнала Диана придумала тут же, глядя в окно, где полным ходом шло строительство Зимнего Цветущего Бульвара в самом центре города. Для реализации грандиозной идеи городскими властями пришлось снести старенькие дома, пережившие ни одну революцию и сравнительно недавнее землетрясение. Дома устояли перед стихией, однако перед натиском прогресса в виде городского начальства устоять не смогли. Их сносили бульдозеры и другая тяжелая техника, работавшая днем и ночью. Открытая строительная площадка создавала иллюзию смерча. При самом небольшом ветре, обычном для «города ветров», на стройке образовывалась воронка с эпицентром в большом

котловане, грозившая поглотить все, что окружало ее, в том числе и Дианин офис, расположенный как раз напротив будущего Зимнего Цветущего бульвара. Обычно Диана требовала, чтобы окна были закрыты жалюзи, но сегодня так случилось, что они оказались поднятыми и муравейник стройки шумел перед глазами девушки. «Знаю, как я назову журнал! «Гнездо белой совы». По-моему, замечательно! В гнездо может поместиться все, что угодно, совсем как на эту стройку. Мода, кулинарные рецепты, здоровье и красота (а как же без них), и не только для людей, но и для животных, птичек, собачек, совы, старинные красивые обычаи, связанные с белой совой, картины с ее изображением, пусть даже не на переднем плане, а где-то там, в углу; истории, где сова играет важную роль. Придумала! Ура! Почему бы не открыть рубрику, которая так и будет называться: «Советы Мудрой Белой Совы». Никто же не будет спорить с тем, что сова – мудрая.

Сколько всего пришлось пережить Диане, прежде чем был назначен день презентации нового международного журнала «Гнездо белой совы», мог рассказать разве что Мамед, большой мастак по части драматических историй. Диана и представить себе не могла, насколько люди завистливы и неблагодарны. Многие из ее подружек и даже друзей мужского пола не выдержали испытания. Первое время Диана жаловалась: плакала в жилетку Беюк-аге. Потом бросила это занятие, услышав от него:

– Ну, если ты такая чувствительная, то нечего браться за столь сложное дело. Думаешь, все будут петь тебе дифирамбы?! Не надейся! Твои друзья сейчас покажут, чего они стоят. Радуйся! Ты зато знаешь, как они на самом деле к тебе относятся. Скажи мне, в твоём окружении есть хоть один человек, кто тебя поддерживает?

– Конечно, дядя! А Мамед?! Он ведь все твердит о том, какая я замечательная, умная. Разумная, красивая.

Беюк-ага поморщился:

– Ты все-таки наивна и глупа, твои друзья правы! Мамед собирается пожить за счет твоего, а точнее, моего журнала. Неужели ты не поняла?!!

Диана заплакала. Беюк-ага держался неделю, надеясь, что упрямца откажется от столь дорогостоящей затеи издавать свой журнал. Будет потихоньку развивать Фонд мудрейшей белой совы, а заодно и сама немного поумнеет. Племянница не звонила и, по рассказам сотрудников Фонда, не появлялась в офисе. Беюк-ага озабочился, и сам позвонил Диане. Ее тихий голос и непривычное смирение растопили его твердую решимость, и он согласился оплачивать все счета нового проекта.

Первый номер журнала было решено доверить опытным специалистам. «Если уж издавать серьезный журнал, то нужно заказывать материалы профессионалам с именем, и не местным, нет, какие из них профессионалы?! Разве что Мамед, да и то по принципу «на безрыбье и рак рыба». Нужно обращаться к московским спецам. Чтобы и имя было, и подать могли любой материал. Мало ли что захочется поместить в журнал, кроме историй о сове и ее нуждах.. Может быть, и дядюшку любимого порадовать. О нем материал сделаю, о его сыне, моем двоюродном брате. Не знаю пока, что о них рассказывать? Да, вот... Беюк-ага охотник известный, почему бы и не написать об этом. Как он охотился с нашим знаменитым поэтом. Ой! Совсем забыла, мой дядюшка президент компании «Экопарадайз»! А это значит, что ему по должности полагается защищать зверушек, и потом, мой журнал ведь тоже – журнал защитников животных, тем более диких. Нет, про его охоту лучше не писать... И что я парюсь? У меня Мамед есть. Пусть он и думает. И кого привлекать, тоже ему поручу. Я ведь писак не знаю, и не нужны они мне! Пусть делом занимаются, а я вот самым главным – презентацией журнала займусь. Где бы мне его презентовать, чтобы все мои бывшие подруги от зависти слюной изошли. В Париже! Вот где! В замке средневековом. Чтобы там гобелены на стенах висели, официанты в париках и камзолах, свечи везде, музыка, клавесин. И наш журнал на подносах разносят вместе с французским шампанским. А все вокруг смотрят на меня. Я в таком красивом белом, нет,

черном, нет, сером, нет, голубом платье, простом, от Шанель, на голове у меня диадема. Ой! Про сову забыла. Нужно, чтобы сова была в золотой клетке, и стояла бы эта клетка в самом центре зала на мраморном высоком столике. Совсем похоже получается на мой любимый фильм «Тупой и еще тупее». Там тоже было шампанское, сова, ее, бедняжку, как раз пробкой от бутылки и уколошили. Американские фильмы такие клеевые. Без них никуда! А что, если шампанское заранее открыть, или сову куда-нибудь очень высоко под потолок поднять, чтобы она оттуда, с высоты, на всех нас смотрела?! Здорово! Так и сделаем. И еще развесим везде шарики. Мне так нравятся шарики, когда ими украшают помещение. Так оригинально, необычно! И розы, чтобы везде были розы! Красные! Много!»

Презентация нового журнала «Гнездо белой совы» прошла, как и хотела Диана, в старинном средневековом замке под Парижем. Большинство пожеланий Дианы Беюк-ага учел. Но не только. Он пригласил дизайнера, декоратора, аниматора, обслуживающий персонал, которые вдохнули жизнь в чучело белой совы, взиравшей на собравшихся с высоты своего постамент, установленного в самом центре большого парадного зала. От живой совы отказались. Ее еще нужно найти, белую полярную сову, что намного сложнее, чем арендовать старинный французский замок. И потом, кто знает, как себя поведет живая сова. А вдруг она не захочет спать, начнет ухать. Голос у нее противный. Это тебе не соловей. Еще гостей распугает. А вот с чучелом никаких неожиданностей. Оперенье ей почистили, макияж сделали, красавица-сова весь вечер сверкала на пьедестале. Шарики, несмотря на некоторое сопротивление декоратора, были развешаны по всему периметру зала. Француз-декоратор, первый раз услышав о шариках, поморщился, словно испытал внезапный приступ зубной боли, но после душевного разговора с клиентом, безоговорочно подписавшего фантастический счет профессионала, согласился. На шариках декоратор предложил нарисовать логотип Фонда белой совы. Диана с восторгом согласилась. Официантов Диана хотела одеть в ливреи лакеев Людовика XIV. Идея не прошла. Хозяйка замка, услышав о том, что в их замке будут расхаживать лакеи в ливреях короля Солнца на презентации журнала с забавным названием «Гнездо белой совы», посчитали, что король, будь он жив, не одобрил бы подобной вольности. Тем более, что журнал не французский, а заморский.

Презентация была в самом разгаре, очаровательная Диана, в простом серебряном платье, с бриллиантовой диадемой на голове расхаживала по залу, очаровывая гостей небесной внешностью и большими познаниями в экологической науке. В это время в зал неожиданно, растолкав официантов, буквально ворвались несколько растрепанных типов. На шее одного из них висел бадж с надписью «пресса». Если бы роскошный вечер, задуманный Дианой и оплаченный любимым дядюшкой Беюк-ага, проходил в родном Дианином городе, то подобный инцидент никак не мог произойти. Растрепанных, бомжатского вида журналистов ни за что не пустили бы в высшее общество, собранное по крупицам Дианой. А тут такой конфуз! Мало того, что они проникли обманом на вечер – у них не было приглашений, и не могло быть!

Самый отвратительный из них, дурно пахнущий мужчина подскочил к Диане и, сунув ей под нос невесть откуда взявшийся микрофон, заверещал глухим голосом, чем-то напоминающим уханье совы:

– Madame Garagezlu, nous représentons la revue «L'Écologie et la Nature». On voudrais vous poser quelques questions. Hélas, nous n'avons pas pu procurer des cartons d'invitation et pourtant, nous sommes ici, comme vous voyez, puisque la France est un pays démocratique et au fait nous sommes chez nous, dans notre pays !

Диана оглянулась вокруг в поисках поддержки. Она поняла все, о чем говорили наглые французы. В английском колледже, где она училась, несмотря на нелюбовь к французам все же преподавали курс языка, помня о том, что в Европе французский считается первым языком общения. Умница и красавица догадалась,

что журналисты прорвались сквозь кордон охранников не для того, чтобы поздравить ее с новым роскошным экологическим журналом. Рядом с ней стояли два гориллообразных охранника в смокингах и в бабочках, смешно топорщившихся на бычьих шеях. Толку от них в подобной ситуации никакого. Диана поискала глазами Мамеда, но не нашла. Беюк-ага на презентацию не приехал. «Потом посмотрю в интернете фотоотчет. Полюбуюсь на тебя в диадеме. Зачем мне нужен грязный Париж и наглые французы? Чего я там не видел? Я сделал все, как ты хотела. Извини, большего я сделать не могу. Поеду на дачу. Постреляю. Немного расслаблюсь». Принимать мгновенное решение пришлось ей. «Как всегда! В самые тяжелые минуты я оказываюсь одна! За что, спрашивается?» Выигрывая время, громко позвала переводчика.

– «NiddeHibou», c'est le nom de votre revue. On est déjà bien intrigué par le choix du nom. D'après les informations très maigres que nous avons pu obtenir, votre revue est écologique. Dites, s'il vous plaît, vous êtes inquiétées outre mesure par le sort du Hibou blanc polaire? C'est vrai? Votre pays est situé assez loin du pôle polaire. Il n'y a pas d'espèces d'animaux dans votre pays qui soient aussi menacées que le hibou polaire?

Журналист по всей видимости наслаждался растерянностью Дианы, попавшей в ситуацию, когда ждать помощи не приходилось, любимый дядюшка был далеко, Мамед, как назло, испарился. Она похлопала ресницами в надежде произвести то же впечатление, что она производила обычно на свое окружение. Девушка ждала заслуженного восхищения и обожания. На этот раз прием не сработал. Наглый журналист продолжал с усмешкой смотреть на нее, а его подчиненные щелкали фотоаппаратами, беря на прицел чучело совы в золотой клетке, разряженных гостей, прислугу в ливрее. Охрана сгрудилась вокруг Дианы. Наконец самый находчивый пошел к журналисту, продолжавшему задавать свой нескончаемый вопрос:

«Cenom, Hibou, peut-être c'est une métaphore?»

Другие охранники ожили и, взяв под руки друзей не унимавшегося журналиста, продолжавшего кричать: «Pourquoi vous présentez cette revue à Paris? Chezvous, dans votre pays, vous n'êtes pas la bien venue?», потащили их к выходу, не обращая внимания на шокированных, с изумленными лицами гостей.

Разочарованная, поникшая Диана, окруженная телохранителями, вышла из зала. «Я туда больше не вернусь. Эти грязные французы отвратительны! Их не волнуют судьбы животных! Они ищут только сенсации! Как все мерзко в этом мире!», – Диана заплакала навзрыд. В ее комнате, уставленной старинной мебелью, множество зеркал отражало прелестную картинку: молодая женщина в серебряном платье, в диадеме, которую она не успела снять, рыдает, не забывая при этом поглядывать в зеркало, чтобы убедиться в том, что и в плачущем виде она прекрасна. Послышался стук в дверь, и почти сразу же в комнату ворвался, несмотря на сопротивление прислуги, Мамед.

– Я вас искал повсюду, но не нашел, а потом мне сказали, что произошел какой-то неприятный инцидент. Да, я как раз выходил ненадолго, нужно было позвонить в Баку, – Мамед стоял прямо перед огромным горшком с маленькой декоративной пальмой. Обычная развязность изменила ему, и он не решался сесть, ожидая приглашения. Диана взмахнула тяжелыми ресницами. Тушь не подвела, как и обещала реклама, оказалась водостойкой, а в данном конкретном случае – слезостойкой.

– Как жаль, что вас не было рядом со мной, когда эти мерзавцы накинлись на меня! Я думала, они меня растерзают. Представляете, грязные, отвратительные журналисты с их идиотскими вопросами! Я даже не помню, о чем они спрашивали, настолько отвратительно они выглядели. Мне показалось, что они не мылись, по крайней мере, неделю!

– Дорогая Диана, – голос Мамеда дрожал, похоже, он готов был заплакать от умиления и возмущения одновременно. – Я не представляю, как можно обижать такое

прелестное создание! Вы – богиня! Неужели они не поняли этого, посмотрев на вас! Какие черствые, бездушные люди! Если желаете, я могу организовать публикацию статьи, в которой ваш, то есть наш журнал будет признан светочом экологического движения. Правда, – Мамед запнулся, – для этого потребуются определенные затраты. Вы же понимаете, – журналист понизил голос и оглянулся по сторонам, – что перед круглой суммой не устоит ни один журнал или газета.

– В самом деле? – глаза у Дианы округлились, голос стал еще тоньше и нежнее, – вы вправду так думаете?

Мамед почувствовал себя умудренным, взрослым и серьезным мужчиной, могущим просветить и защитить столь хрупкое, наивное и неземное создание, каким представлялась сейчас его патронесса Диана. Один нюанс нарушал благодушное состояние Мамеда – необходимость прибегнуть к дядюшкиному кошельку. При мысли о том, какова будет реакция Беюк-ага, и сколько он продержится в роли безотказного благотворителя, у Мамеда стало портиться настроение. Однако медлить не приходилось. «Промедление смерти подобно!» – громко, с пафосом произнес журналист, не сомневаясь, что произведет должное впечатление на подавленную, но не сломленную Диану.

Назавтра во французской прессе появились оскорбительные статьи, где мерзкие журналюги начали с того, что посмеялись над названием журнала «Гнездо совы». В статье «Amide Hibou» (друг совы) автор вспомнил про «Гнездо кукушки» Милоша Формана. Задался вопросом: окажется ли «Гнездо совы» таким же разрушительным для его обитателей, каким в свое время оказалось «Гнездо кукушки»? Пожелал белой полярной сове поскорее улететь из гнезда, куда не пускают простых людей (автор имел в виду себя, журналиста), а где рады лишь лизоблюдам и богачам. Однако и Мамед выполнил обещание. Его заботами, щедро оплаченными дядюшкиным бездонным кошельком, в нескольких газетах, правда, не самых популярных, появились заметки о безобразном поведении французских журналистов, совершенно потерявших стыд, роняющих достоинство известной своими демократическими традициями французской прессы. Одна из статей заканчивалась патетическим возгласом в стиле французских трибунов времен Коммуны: «Доколе мы будем терпеть в своих рядах невежественных журналистов?!»

Диана не стала задерживаться в Париже после конфуза с презентацией журнала. Она дала себе слово, что обязательно вернется во Францию, оказавшую ей столь враждебный прием. Но только в следующий раз позаботится о том, чтобы ее принимали так, как она того заслуживает. С почестями и красной дорожкой от самого трапа самолета. В Баку ее встречал дядюшка Беюк-ага. В VIP-зоне аэропорта дядюшка чувствовал себя как дома. Веселый и довольный, он с жалостью посмотрел на поникшую Диану. «Ну что ты грустишь?! Мне с самого начала не понравилась идея презентовать журнал в Париже. Почему женщинам обязательно нужен Париж? Объясни мне! Нет, ничего не говори! И так было ясно, что завистливые, жадные французы обязательно устроят какую-нибудь пакость. Так и случилось! И твой хваленый советчик Мамед не помог. В следующий раз будешь умнее! Будешь слушаться меня! Да, кстати, забыл тебе передать привет от твоей мамочки. Она уехала на Гавайи. Устала от жизни в нашем городе. А кто не устал, спрашивается? А отец твой, как всегда, на какой-то конференции. Забыл я, что за мероприятие. Да и неважно это. Главное, что я рядом».

Баку после Парижа показался провинцией. Не спасал даже размах строительных работ. Наоборот, создавалось впечатление, что город пережил тяжелые бомбежки и пытается восстановиться – столько вокруг разрытых дорог, выкопанных котлованов, тяжелой техники, столько смога, за которым не видно неба. Еще одну странность углядела Диана. Почти все старые здания, удостоившиеся реставрации, стали этажом выше. Последний, мансардный этаж менял облик всего старого здания.

Оно становилось похожим на парижские дома, где мансарды сплошь и рядом. «Когда же, наконец, мы станем в один ряд с этими надутыми индюками – европейцами? Как хорошо я их сравнила с индюками. А может, к белой сове, белому барсу еще и белого индюка прибавить? Компания хоть куда». Диана сидела у себя в кабинете, наслаждалась клавесинной музыкой Генделя и думала о том, как расширить поле деятельности Фонда белой полярной совы. Благодушное состояние красавицы прервал телефонный звонок, имитирующий уханье совы. Диана поморщилась и сняла трубку. Раздался скрипучий старый страшный голос. Подобный голос мог принадлежать только очень старому бесполому чудовищу или ожившей белой полярной сове:

– Ну что, красавица! Нагулялась! Как тебя принимали, дорогая! Нужно учить историю, дорогая! Тогда не попадешь впросак. Мерзкие французы не пожалели свою королеву! Да, да, бедняжку Марию Антуанетту казнили. Ты не в курсе? Между прочим, на площади, которую заложили в честь отца ее мужа. А ты, наверное, и не знаешь, кто был ее мужем? Людовик XVI. А площадь со дня ее основания носила имя Людовика XV. Сейчас ее называют площадью Согласия. Так и называют – Place de la Concorde! Интересную историю я тебе рассказала? А?

Диана онемела. Ей хотелось бросить трубку и забыть страшный голос, продолжавший рассказывать кошмарные исторические анекдоты вперемежку с не менее ужасными современными реалиями. Под конец бесконечного монолога Сова (как прозвала ее Диана) выдала самую свежую, и от того еще более ужасную новость:

– А ты слышала, что рассказывает Мамед всем, кто пожелает его выслушать? Нет? Нет... Полагаю, не слышала. Он говорит, что ты втюрилась в него по уши. Шагу без него ступить не можешь. Несколько раз пыталась затащить его в постель, только ничего не получилось. Ты не в его вкусе.

Из глаз Дианы посыпались искры. Охотница проснулась в защитнице природы, и если бы ее собеседник либо собеседница (вопрос пола так и остался загадкой) вдруг оказалась рядом, то ей бы не поздоровилось.

Журнал напечатали в Турции. Влетел он в копеечку. Все счета оплатил Беюкага. «Тысяча экземпляров, – уверял Мамед, – разлетятся в один день». После фиаско в Париже Диана решила покорить Баку. Промоакцию Диана захотела провести самостоятельно. Она придумала костюмы для участников акции. Белоснежные ангельские крылья – один из главных элементов костюмов. Опытную партию сшили там же, где напечатали журнал, в Турции. Белые трико, белые крылья и пушистые белые шапочки. Первой опробовала костюм Дианина секретарша. Не по доброй воле, а по приказу своей начальницы. Диана долго смеялась, глядя на широкобедрую девушку в обличьи неземного ангела. Костюм ей откровенно не шел. Тем не менее, Диана настаивала на том, чтобы и секретарша в этом костюме участвовала в акции. Генеральную линию промоакции, как и всего, что касалось журнала, должен был определять Мамед. Встреча красавицы с Мамедом после драматического телефонного звонка произошла в том самом ресторане «Плакучая ива», где они познакомились. Мамед нервничал и потому решил выпить для храбрости полный стакан виски, чего он обычно себе не позволял. После первого стакана последовал второй. Диана вошла в ресторан. К ней подлетели две милые девушки и повели к столу Мамеда. Веселый Мамед вместо обычного сдержанного приветствия вдруг опустился на одно колено перед Дианой и запел, подражая оперному баритону: «Кто может сравниться с Дианой моей, сверкающей искрами черных очей ...» Диана вспыхнула, встала. Мамед продолжал кривляться. Романс привлек внимание других посетителей ресторана; кто то уже снимал сцену на мобильный телефон. Диану освободил от пьяного Мамеда подоспевший на помощь метрдотель. В тот же день на Фейсбуке и в других социальных сетях появились фотографии стоящего на коленях Мамеда с выразительно поднятой рукой и томным взглядом в сторону застывшей с каменным выражением лица Дианы. Весельчаки тут же поместили подписи. Из уст Мамеда

вырывалось: «Не уходи, побудь со мной», рядом с лицом Дианы поместили «Ты кто такой? Давай, до свидания!» Диана снова выпала из повседневной суровой взрослой жизни и две недели провела в Дубае, пытаясь восстановить утерянное равновесие суровым, беспощадным для кошелька Фонда совы, шопингом.

В один из дней, похожих друг на друга одуряющей жарой, она забрела в кафе, привлечшее ее внимание бакинским колоритом. Вывеска «Старый Баку» красовалась на фоне фотографий Баку начала XX века: конки, венецианские здания, а рядом мастерская, а в ней башмачник в колоритном национальном наряде, дамы во французских шляпках и пышная ханым, укутанная в келай. Девушка толкнула тяжелую дверь и глотнула прохладный кондиционированный воздух, ставший визитной карточкой нефтяного арабского рая. В зале негромко звучали восточные джазовые импровизации на фортепиано. Диана внимательно осмотрела интерьер. Небольшие квадратные деревянные столики с блестящими столешницами и на каждом – лампа под оранжевым абажуром из ткани. На стенах фотографии вперемежку с настоящими картинами, чей восточный колорит чем-то напоминал сказки Шехерезады: девушка в образе птицы Феникс, лампа Аладдина с джинном внутри, женщина с гранатом. Картина в центре представляла собой на первый взгляд загадочную женщину в сложном головном уборе. Полотно в золотисто-рыжих тонах излучало свет и привлекало своей аурой. Только разглядев все детали картины, Диана поняла, что на картине слиты два персонажа – мужской и женский. Оба – как половинки одного и того же блока. Метафора о двух половинках, нашедших друг друга, выпукло и талантливо воплощенная художником.

Не успела Диана сделать заказ и отпустить официанта, как к ней подошел молодой человек, чем то неуловимо похожий на юношу с картины.

– Мадемуазель уже выбрала, что желает, или я могу ей помочь? – молодой человек улыбался и говорил по-русски. Ответить на такую улыбку заносчивой, холодной репликой не представлялось возможным даже для надменной Дианы.

– А вы менеджер этого заведения и заботитесь о его репутации?

– Почти менеджер, моя позиция намного хуже, я – владелец и сегодня забрел сюда совершенно случайно, хотел еще раз взглянуть на мою любимую картину и обнаружил перед ней очаровательную девушку, очень похожую на наших бакинских красавиц, вернее, на единственную, самую очаровательную красавицу, на вас, Диана ханым!

– А разве мы с вами знакомы? – Диана смотрела на юношу во все глаза.

– Не помню, нас представили друг другу или нет, правда, не помню. Я был на презентации вашего журнала «Гнездо совы» в Париже.

На мгновение Диана смутилась. Вспомнила наглецов журналистов, похожих на клошаров, весь ужас, пережитый ею в тот день, Мамеда, как сквозь землю провалившегося в самый ответственный момент. Молодой человек словно прочел все, что могла чувствовать Диана:

– Мне запомнился ваш образ! Из всей кутерьмы вокруг совы и журнала я помню только вас. Позвольте представиться, меня зовут Эльмар, – он протянул руку для пожатия.

Диана потупилась. Куда делась ее обычная уверенность в себе?

– А меня зовут Диана. – Она перевела взгляд на картину.

– Я знаю... Вам нравится картина? Я подарю ее вам, а вдруг она напомнит обо мне?

Диана только кивнула. Эльмар откланялся и оставил ее одну в растерянности.

...О том, какую свадьбу сыграла молодая образцово-показательная пара, можно было узнать из сайтов всех мировых новостных агентств. Приглашенная Дженифер Лопес развлекала гостей, пытаясь растормошить гостей, блистающих парижскими и итальянскими туалетами. Свадьба проходила на одной из вилл Абшерона, где баль-

ная зала вместила около 300 гостей. Как выразился Беюк-ага, «Свадьба должна быть скромной, нечего людям в глаза пыль пускать, и так все обзавидовались». Гламурных фотографов попросили не беспокоиться. Съемку запретили. Однако снимки со свадьбы волшебным образом попали в прессу и были моментально растиражированы в интернете. Злые языки утверждали, что это дело рук Мамеда, не упустившего возможности подзаработать. Красавица Диана не возражала против такой рекламы. Молодой муж Эльмар согласился с женой. «Бесплатная реклама моему строительному бизнесу и Дианиной защите зверушек». Семейная жизнь красавицы Дианы началась безоблачно, а вот дальнейшая ее судьба – это совсем другая история...

Загадка кольца

Женщина, вышедшая на прогулку, с удовольствием вдыхала пахнувший весной воздух, обращала внимание на самые, казалось бы, незначительные признаки пробуждающейся природы. Кошки, не столь многочисленные зимой, выползали на солнышко, подставляли свои бока горячим лучам солнца и с удовольствием мурлыкали. «Я совсем как эти кошки, – проговорила про себя женщина, – ну, может быть, немного кокетливее. Мне хочется украсить себя. Конечно, никакое украшение не может мне стать моложе, привлекательнее, но настроение поднять может». Анна, так звали женщину, подняла руку и полюбовалась сверкающим кольцом на безымянном пальце левой руки. Тонкая резная оправа из черного серебра изящно окаймляла большой камень, имитирующий алмаз. На весеннем солнце камень сверкал особенно ярко, разбрасывая разноцветные лучи. Когда женщина подносила кольцо к лицу, лицо освещалось и становилось необыкновенно привлекательным. Анна любила изящные вещи, но так сложилась жизнь, что она нечасто могла себя порадовать действительно стоящей вещью. Вот и это кольцо она купила за смешную цену, пять фунтов, на улице, по которой ходила каждый день на работу, у уличной торговли всяким барахлом.

День выдался солнечным. Весна потихоньку забирала у зимы власть. Получалось с трудом. Только начинали набухать первые почки, и птички, почувствовав весенний ветерок, распевались по-новому, радостно, прибавляя к обычному своему мотивчику новые трели, как зима, словно стараясь доказать глупым певчим, да и людям, снявшим зимнюю одежду, что все не так легко и просто, как они себе представляют, переходила в наступление. Власть отдавать – целая наука. Порой тяжелая, даже трагическая. По этой причине после нескольких весенних, радостных, полных надежд дней вновь возвращалась старая хозяйка-зима, начинал завывать по-волчьи ветер, свинцовые тучи закрывали небосвод, птички умолкали. Но всему в природе приходит конец. Иногда такая ситуация очень трагична, а иногда наоборот. Зима удалилась, и красавица Весна вступила в свои права.

Где и кем только Анна не работала! В то время, когда она ходила по улице, где ей повезло купить кольцо, она работала сиделкой у одной старой леди. Величественная старуха никогда не забывала о своем знатном происхождении, о том, что ее предки владели большими кофейными плантациями в Ост-Индии, и там уж, поверьте на слово, все рабы и слуги ходили по струнке и ни о каких вольностях сегодняшнего дня не могло быть и речи. По тому, как она рассказывала Анне изо дня в день одно и то же – о послушных рабах, строгих хозяевах и огромных владениях – напрашивался один очевидный вывод: старуха тосковала по тем порядкам и изо всех сил старалась установить те же правила у себя в доме. Кроме Анны, ухаживающей за Дороти, так звали старую женщину, в доме еще работала кухарка, молодой человек, почти мальчик, на посылках и приходящая два раза в неделю уборщица. Все они безропотно терпели деспотический характер Дороти. Анна аккуратно выполняла свои обязанности. Кормила, купала, причесывала, развлекала старую женщину. Ни разу за

все время службы (так Анна называла про себя свою работу) она не услышала ни одного доброго слова. Анна не могла оставить службу. Ей нужно было помогать сестре, оставшейся одной с двумя малолетними детьми. Анна так и не вышла замуж и не жалела об этом, глядя на свою замученную сестру.

День Анны был расписан по минутам. Единственное время, когда она могла позволить себе поглядеть по сторонам и порадоваться редко выглядывающему из-за туч солнышку – дорога до Дороти и обратно. Старая женщина не упускала ни одной возможности, чтобы напомнить Анне, какая она неумеха, глупая, некрасивая, ни на что не годная женщина, и лишь благодаря великой милости, состраданию и человеколюбию ее, Дороти, Анна работает и получает большое жалованье. На самом деле жалованья хватало лишь на самое необходимое, на то, чтобы как-то свести концы с концами и немного помочь сестре. Говорить об этом Дороти – пустое занятие. Анна даже не мечтала что-то изменить. И зачем? В один из таких же, как сегодня, весенних дней, только несколько лет тому назад, когда Дороти была еще жива, Анна и набрела на кольцо. Торговка, увидев неподдельный интерес женщины, стала расхваливать свой товар. Конечно, ей не пришло в голову сказать, что камень настоящий. Большой, чуть мутный, но несмотря на это, сверкающий камень, имитирующий алмаз. Ее сочли бы ненормальной. Но уж как не расхвалить старинную оправу из черненого серебра! Торговка не распространялась, где она взяла товар, да никто и не спрашивал. Мало ли бедняков несут ростовщикам и торговцам скарб из дома и украшения, оставшиеся с лучших времен. Анна спросила цену, не стала торговаться, цена и в самом деле оказалась небольшой даже для Анны. Она тут же надела на безымянный палец левой руки кольцо. Оно засверкало, словно благодарило новую владелицу. Настроение Анны заметно улучшилось. Даже Дороти заметила, что Анна улыбается без повода, как будто думает о чем-то приятном. Старая женщина заметила кольцо, хотя в последнее время жаловалась на зрение. Его невозможно было не заметить. Попросила Анну снять кольцо с пальца и дать ей, чтобы она могла лучше рассмотреть его. Обычно послушная Анна на этот раз отказала хозяйке, не стала снимать украшение. Дороти от неожиданности даже не закричала, как обычно она делала по малейшему поводу. Она с удивлением посмотрела на Анну и покачала головой.

«Это подарок любимого?» – в голосе старой женщины прозвучал сарказм, словно невозможно было предположить, что у Анны может быть любимый мужчина. «Да!», – ответила Анна, выпрямившись. «У него плохой вкус, милочка. Такой грубый камень может быть только подделкой. Вот у моей прапрабабки был алмаз приблизительно такого же размера, но это был настоящий алмаз, а не стекляшка, как твой камень!» Анна промолчала, лишь улыбнулась.

Дороти, не дождавшись комментария Анны, продолжила свой рассказ. Уж очень хотелось ей рассказать о былом величии своих предков.

– Моя прабабка – очень красивая женщина, жена британского аристократа, сделавшего свое состояние в Британской Индии. Ты, наверное, не знаешь, что Индия являлась британской колонией! Мой предок выиграл в карты у местного раджи, это такой местный царек, объясняю тебе, ты ведь ничего не знаешь, так вот, он выиграл редкой красоты и величины алмаз. Сам раджа утверждал, что он из Голконды, первого мусульманского государства на юге Индии. Знаменитые алмазные копи Голконды, где были добыты такие алмазы, как Шах, Кохинор. Может, ты все-таки слышала о них? Что ты молчишь? Ты меня расстроила своим дурацким кольцом. Скажи, где ты его раздобыла? Или я уволю тебя! Слышишь?

Высокий голос Дороти сорвался на визг. Она не могла справиться с волнением, внезапно охватившем ее. Анна никак не могла понять, почему дешевая подделка, простое кольцо, которое невозможно сравнить ни с одним, самым мелким алмазом, вызвало такое волнение у старой женщины.

Анна не стала ничего говорить. Она повернулась и молча вышла из комнаты. Весь день Дороти маялась. Не знала, как ей добраться до кольца Анны. Давно ей ничего не хотелось. С возрастом все желания словно стираются от времени. Блекнут, совсем как старые фотографии. Не остается неистовства молодости, когда, казалось бы, на все способна, лишь бы получить желаемое. И вдруг такая перемена, она словно помолодела. Ей страстно захотелось надеть на палец кольцо Анны. Она стала вспоминать о том, как в молодости для того, чтобы достичь своей цели, она могла разыграть целый спектакль. Однажды, чтобы отбить кавалера у своей ближайшей подруги, Дороти заманила его к себе, пообещав показать редкую марку, молодой человек был заядлым филателистом, и одновременно позвала свою подругу на кофе, правда, часом позже. Нетрудно представить реакцию подруги. Конечно, Дороти стала неловко оправдываться, что тоже входило в постановку. Никакие объяснения кавалера девушка не приняла, она потеряла сразу и подругу, и кавалера. Дороти недолго праздновала победу, молодой человек не захотел иметь ничего общего с ней. Сейчас ей захотелось придумать что-нибудь чрезвычайное, что могло позволить ей не только рассмотреть, но и завладеть кольцом Анны. В очередной раз, когда Анна расчесывала ее, старая женщина вдруг громко закричала:

– Ах! Какая ты неловкая, Анна! Ты царапаешь меня своим дурацким кольцом. Снимай его, когда причесываешь меня. Или я прогоню тебя, ты мне всю голову царапаешь своей побрякушкой!

Анна не ответила, хотя могла сказать, что Дороти неправа. Анна всегда очень аккуратно расчесывала длинные, тонкие седые волосы, распутывая запутавшиеся пряди. Затем она собирала их в традиционный пучок, стараясь, чтобы не видно было проплешин. Благодаря умелым рукам помощницы Дороти всегда выглядела ухоженной. И вот теперь старая ведьма нашла еще один повод для того, чтобы испортить ей настроение. Характер у старой женщины становился хуже с каждым днем. Внимательный врач, наверное, диагностировал бы старческую деменцию. Так красиво стали называть то, что раньше определяли проще: старческий маразм. Но только Анне не становилось от этого легче. Она все равно считала, что у Дороти неплохая память, особенно там, где шла речь о прошлом. Вот только характер становился с каждым днем невыносимее. Как-то она достала старинный альбом, бархатный, с серебряными уголками, позвала Анну, чтобы та тоже могла полюбоваться ее великими предками. С выцветших фотографий смотрели нарядные люди, одетые по моде прошлого века, в жеманных позах. На одном снимке вполоборота позировала молодая женщина, опирающаяся на спинку высокого кресла, в котором сидел мужчина в кавалерийских сапогах. Мужчина улыбался, подкручивая длинный ус. Глядя на снимок, Дороти оживилась:

– Посмотри внимательно на руку моей прапрабабки! Видишь, кольцо! Посмотри на него!

После окрика Дороти Анна обратила внимание на тонкую, нежную руку, свисавшую со спинки кресла. На безымянном пальце левой руки красовался перстень с большим камнем в старинной оправе. На старой выцветшей фотографии сложно было определить металл оправы и цвет камня. Однако сходства колец нельзя было не заметить. Дороти внимательнее вглядывалась в фото, в лицо женщины, ее силуэт, тонкую руку, безвольно свисавшую с кресла. Переведя взгляд на Анну, она задохнулась. Казалось, она потеряла дар речи. Женщина испугалась:

– Что с вами? Вам плохо, Дороти? Может, позвать врача?

Старуха не отвечала, жестом показала на фотографию и на Анну. Наконец обрела дар речи:

– Посмотри внимательно, говорю тебе! – голос скрипел, Дороти задыхалась. – Ты не видишь, что похожа на нее?! Посмотри! Это невероятно! Конечно, она здесь совсем молодая, но все равно, такие же голубые глаза, вздернутый нос, безвольный

рот, как у тебя. И рука такая же, слабая.

Старая женщина тут же пожалела о сказанном. Она невольно призналась в том, что ее служанка, простушка и неумеха похожа на ее знаменитую прапрабабку, которой она так гордится. Объяснения этому не было и быть не могло. Представить себе, что Анна невероятным образом связана кровными узами с ней, Дороти, все равно, что согласиться с тем, что первый встречный может претендовать на родство с английской королевой. Нет, сходство Анны с ее родственницей ничего не доказывает.

Дороти редко выходила из дома, но воскресную службу не пропускала. Священник в церкви Святого Магнуса-мученика, расположенной в Сити, когда-то давно, еще во времена ее молодости, очаровал ее своим красноречием. К счастью, священник обладал хорошим здоровьем, видимо, ниспосланным Господом за его прекрасную службу и добронравие. Дороти жила довольно далеко от церкви, но старалась не пропускать воскресной службы, как добрая христианка, в надежде, что на небесах ей зачтется похвальное усердие. В очередное воскресенье, кряхтя и охая, еще больше ворча, чем обычно, она собиралась в церковь. Каждый выход Дороти на люди превращался в событие, и её желание выглядеть как можно лучше создавало для Анны множество проблем. Дороти никак не могла определиться ни с нарядом, ни с прической, ни с украшениями. Часа два уходило на все приготовления. Случалось, что уже одевшись и примирившись со своим внешним обликом, она падала в кресло, начинала истошно кричать и требовать новых нарядов. Вынести подобное поведение могла лишь Анна, раз и навсегда решившая, что старушка – ее крест, доверенный ей свыше.

Служба началась, когда Дороти с Анной вошли в старинную церковь, блиставшую белыми ионическими колоннами. Убранство старинной церкви не столь роскошно, как в католических соборах. Большой орган XVIII века – главное украшение и гордость церкви. Это нравится многим прихожанам, уверяющим, что излишняя роскошь отвлекает от Бога. Когда священник поднялся на кафедру и объявил тему своей проповеди, все замерли. «Возлюби ближнего своего, как самого себя». Идея проповеди витала в воздухе. Войны на Ближнем Востоке, в Индии, стали причиной большого притока мигрантов. Люди другой культуры и веры вызывали зачастую неприязнь. Священник начал проповедь, заглядывая в свои записи. Он готовился к ней. То, что он читал в ежедневной прессе, вызывало у него всплеск эмоций. Он долго мучился, прежде чем решил сделать проповедь на эту тему. Ежедневно встречая на своем пути людей с уставшими, какими-то серыми лицами, в потертой одежде, потухшим взглядом, женщин, закутанных в черные чадры, он страдал, не умея помочь им. Не всегда эти встречи вызывали у него сострадание. Иногда поведение чужаков провоцировало возмущение прохожих, и даже его, терпеливого, много повидавшего на своем веку священника. Промучившись неделю над текстом, колеблясь, стоит ли выносить на публику сомнительный текст, продукт его сумбурных мыслей, он все же решился. Если его так волнует эта тема, то, вероятно, и его прихожане размышляют над этим. Конечно, он не модный блогер, способный воодушевить многочисленную аудиторию парадоксальными заявлениями, но тем, кто приходят слушать его воскресные проповеди, возможно, будет интересно услышать его мнение. Начал он свою проповедь риторическим провокационным вопросом: «Представьте себе, что Великобритания, наша великая страна, пришла в страшный упадок, как когда-то Византия, и ее граждане, гонимые нуждой, рассеялись по разным странам подобно осенним пожухлым листьям под ветром. Как бы к ним, этим несчастным, отнеслись люди этих стран?» После проповеди прихожане подходили к священнику, чтобы поблагодарить его. Самой последней к нему подошла Дороти. В глазах у нее стояли слезы. Она трясла его руку, что-то невнятно бормотала. По всему ее облику было заметно, что она очень взволнована.

Придя домой, Дороти слегла. Она словно вконец исчерпала все свои жизненные ресурсы. Ей не хотелось больше вставать, разговаривать, жить. В предпоследний день своей жизни Дороти знаком подозвала к себе Анну. Усадила на свою постель, что было неслыханно. Прерывающимся голосом рассказала ей то, чего никому до того не рассказывала – историю жизни ее прабабки после возвращения на родину. Она прерывала свой рассказ каждые пять минут, чтобы отдышаться. Анна в первый и последний раз увидела Дороти такой, какой она могла стать, но не стала – понимающей, любящей и доброй.

Так что же случилось с ее знаменитой прабабкой? Она разошлась с мужем, оставившим ее без гроша. У супругов было двое детей. Мальчик и девочка. Мальчика забрал муж, а дочь осталась с женой. Почему пара рассталась? Семейная тайна, спрятанная за семью печатями. Женщина с дочерью вернулась в Лондон. Заработать на жизнь оказалось непросто для изнеженной аристократки. Она попробовала себя в разных ипостасях. Поработала моделью, актрисой второсортных театров; постарев и растеряв былую привлекательность, устроилась билетершей в тот же театр, где раньше играла. Выбраться из нужды у нее не получилось. Из всего бывшего великолепия у нее оставался перстень с бриллиантом. Выросшая в нужде, ее дочь пристрастилась к спиртному, родила девочку от неизвестного бродяги, которую забрали в монахини. Где она, эта девочка? Никто не знает, монахини умеют хранить тайну. Анна не могла поверить своим ушам. Столько рассказов о легендарной прабабке и такой ужасный конец.

Под конец своей тяжелой исповеди Дороти сказала:

– Я знаю, что ты воспитывалась в приемной семье и твоя сестра тебе неродная. Я все выяснила о тебе, когда брала тебя на службу. Я умираю и хочу тебе признаться. Я уверена, что ты из нашей семьи. Ты связана кровными узами с моей прабабкой, а значит, и со мной. Мне повезло, я родилась в семье, сохранившей достаток. Мой прадед успешно вел свои дела, и моему отцу досталось значительное наследство. А вот несчастной дочери, уехавшей с матерью в Лондон, и ее потомкам не повезло. Когда я посмотрела на фото, у меня не осталось сомнений. Небо распорядилось вместо меня. Отнеси кольцо ювелиру. Я думаю, что моя прабабка послала тебе его...

Дороти молчала, слезы лились из глаз. Через день она тихо ушла. После того, как адвокат огласил завещание бездетной Дороти, у всех присутствующих в глазах читался вопрос: почему? Почему она оставила свое солидное наследство церкви Святого Магнуса? К последней воле была приложена небольшая записка, сделанная не твердой рукой самой Дороти. «Священник церкви вернул мне мою душу....»

Анна долго размышляла над тем, что поведала ей Дороти. Она не могло поверить в правдивость услышанного. Правда, она украла из альбома фото прабабки Дороти. Это была ее первая и, вероятно, последняя кража. По совету своей умершей хозяйки она сходила к ювелиру. К ее изумлению, поддельный камень оказался настоящим бриллиантом из Голконды.